

Цивилизационный проект как предмет исследования: логика смыслов и оптика анализа

Рубцов А. В.,

руководитель сектора философских исследований идеологических процессов,
Институт философии РАН,
roubcov@inbox.ru

Аннотация: Сверхмощная полисемия дискурса о цивилизации рассматривается не как дефект языка и речи, но как объективная, неустранимая характеристика самого предмета и дискурса о нём. Это исключает возможность универсальных или сводных дефиниций. Выход предлагается в особого рода семантической эмпатии — в принятии дискурса о цивилизации в презумпции его полноты, в осмысленных интуициях понимания. Принцип «цивилизационной множественности» или «цивилизации цивилизаций» подводит к идеям множественности цивилизационных проектов, в том числе к необходимости понимания Российского проекта цивилизационного развития в том числе и как «проекта проектов», то есть не только мега-, но и метапроекта. Новое время рассматривается как «время проектов» с соответствующими выходами в проблематику постсовременности, постмодерна, и постпостмодернизма. Рассматриваются темпоральные противоречия проекта, парадоксы динамики и статики. Что есть проект: будущее в настоящем и (или) настоящее в будущем? Аналогична онтологическая двойственность проекта: процесс и вещь, жизнь и изделие, план и воплощение. Дискурс о цивилизации рассматривается как системный объект. Реконструкция общего проблемно-тематического пространства осуществляется методом контурного картирования. Обосновывается изоморфизм исторического времени и пространства анализа: картина как изображение и как кинокартина, как последовательность кадров. Вводится методика обратной перспективы — реверсивного исследования и ретроанализа, в котором генезис дополняется техниками «вскрытия».

Ключевые слова: дискурс о цивилизации, презумпция полноты, сверхмощная полисемия, темпоральная и онтологическая двойственность проекта, изоморфизм изображения и структуры процесса (картины и кинокартины), логика обратной перспективы, реверсивное исследование и ретроанализ, методики вскрытия.

1. ДИСКУРС О ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЯЗЫКИ И ФОРМАТЫ

1.1. Семантические поля «цивилизации»: эффекты полисемии

В формулировке «Российский проект цивилизационного развития» (РПЦР) проблемны все четыре термина. Сверхмощная полисемия собирает «под одной

Рубцов А. В.
Цивилизационный проект как предмет исследования:
логика смыслов и оптика анализа

обложкой» сюжеты, в которых участники дискурса могут ориентироваться весьма произвольно — как между текстами, так и внутри одного сочинения и даже одного высказывания. Ситуация не единичная и не фатальная, но только если она отрефлексирована и оговорена, а монополизация подходов и смыслов исключена по соображениям принципа, морали и метода.

Сочинение универсальных определений «цивилизации» неадекватно самому предмету: здесь это вообще не вопрос формальных дефиниций. Философия обязана принимать такую полисемию как данность — как образец многомерности смысла, продуктивности конфликтов и наслоений. Дискурс о цивилизации есть совокупность достаточно разных дискурсов, и не только философских, но именно философии вменяется блюсти и понимать эту полноту. Фундаментальная и прикладная философия, социогуманитарное знание и теории среднего уровня, смежные дисциплины, конкретные исследования, интеллектуальная проза, «умная» публицистика и корреспонденция, мемуаристика и эпистолярные, языки повседневности и обыденные речевые практики — в этом поле идей и значений в принципе нельзя что-либо заранее исключить. Часто даже расхожие обороты и крылатые фразы дарят откровения более острые и глубокие, чем мучения профессии. «Россия — страна с очень высокой культурой, но довольно низкой цивилизацией» — сентенция с претензией на целую тему... а ведь это всё придумал Черчилль в 18-м году.

Подобная неоднородность видна, например, в различении «большого» и «малого» дискурсов о цивилизации. «Большой» дискурс «существует преимущественно в рамках академических институтов и является носителем той богатой культуры обсуждения проблематики “цивилизаций”, которая накопилась за столетия...» [Капустин Б. Г., 2009, с. 23]. «Малый» дискурс называется таковым «по той причине, что он, будучи конъюнктурной реакцией на “злобу дня”, представляет собой систематическое обеднение “теории цивилизаций” и непосредственную идеологическую её адаптацию» [Капустин Б. Г., 2009, с. 23]. Позиция кажется убедительной, если запоем читать академическую литературу, а всё прочее исчерпывать «идеологической адаптацией». Однако в этом мире живут и говорят (в том числе о цивилизации и цивилизованности) не только философы и учёные. Если войти в методологию дискурс-анализа, с повышенным интересом относящуюся к обыденному языку и повседневным речевым практикам, то здесь этот суммарный поток высказываний о цивилизации может оказаться вовсе не «малым» и даже не просто большим, но и бóльшим. Достаточно обозреть такие источники и каналы трансляции, как бытовая философия и «обыденная наука» (*common sense knowledge* по Альфреду Шюцу), оперативная футурология, государственная и общественная, гражданская идеология, политика в самых разных её видах и проявлениях. Это также официальные и экспертные программные документы и мегапроекты развития, материалы стратегического планирования и рабочей прогностики, государственные декларации и межгосударственные заявления, взаимные обязательства союзов и обеты альянсов, риторика манифестов, движений

и лидеров, политических и духовных. И наконец, почти весь массив *умной словесности*, включая интеллектуальную беллетристику во всех её видах, вплоть до фантастики, остросюжетной публицистики, популярных сентенций и афоризмов.

Хрестоматийные статьи о цивилизации уже несколько навязчиво начинаются с перехода от стадияльной модели Моргана (дикость, варварство...) к сосуществованию локальных цивилизаций, то есть от диахронии к синхронии. Такой переход после Данилевского, Шпенглера, Тойнби, Сорокина и пр. часто выглядит как законченный и необратимый, что объяснимо, но лишь в известных контекстах. Пока цивилизация отвоёвывает мир у дикости и варварства, само это понятие естественным образом читается как *процесс* цивилизации. Когда же мир в целом начинает восприниматься скорее как почти состоявшаяся цивилизация, пусть ещё не до конца победившая на территориях нецивизованности и недоцивизованности, процесс уступает место структуре, хотя бы и со всеми признаками витальных циклов. Цивилизации начинают трактоваться как сосуществующие сверхкрупные общности, конституируемые в основном территорией, языком, верой, культурой и пр. В этом смысле процесс и структура здесь иногда близки к омонимии.

Отдельно работают схемы масштабирования. Глобализация и глобальные проблемы современности (от экологии и ядерной зимы до COVID-19) придают понятию цивилизации поистине планетарный масштаб, а новые космологические теории, подобные «Антропному принципу Вселенной», — ещё и масштаб космический. Но обнаруживаются и новые уровни фрагментации, и новые сборки. Как отдельные цивилизации начинают восприниматься Модерн и постмодерн. Возникает понятие «техногенная цивилизация»¹. Сейчас входит в моду концепт «цифровой цивилизации»², или «цивилизации цифры». Но гораздо ранее обнаруживаются понятия «цивилизация риса», «цивилизация маиса» (у Броделя это «миры» риса, кукурузы, пшеницы³)... В «цивилизации риса» и сейчас живёт более половины человечества, причём страшная скученность и жара порождает у рисоедов такие же типы взаимоотношений между государством, обществом, индивидом и коллективом, как суровый климат

¹ Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. — 1989. № 10. — С. 3–18. Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. — 2006. № 2. — С. 16–26.

² Одна из немногих отдельных книг о «цифровой цивилизации» не случайно открывается авторством... Александра Проханова — мыслителя, широко известного особой прогрессивностью знаний и взглядов (Проханов А. А., Глазьев С. Ю. и др. Цифровая цивилизация. Россия и "электронный" мир XXI века. — М.: Изборский клуб, 2018. — 288 с.).

³ Они были «растениями цивилизации», которые очень глубоко организовывали материальную, а порой и психическую жизнь людей, так что создавались почти необратимые структуры. Их история — тот детерминизм цивилизации, тяжесть которого они ввалили на крестьянство и на всю жизнь человечества» (Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Прогресс, 1986. — С. 121).

и дикая разреженность малонаселённых российских просторов. Это к вопросу об известной заштампованности понимания Ключевского и др.⁴

Более того, всё это возвращает нас к почти забытому вопросу о разнообразии источников существования цивилизаций, их материального самообеспечения. Сейчас это проблема практической исчерпанности перспектив сырьевых цивилизаций, основанных на них ресурсных экономик и социумов. Сырьевое проклятье порождает проклятье институциональное: население как сырой материал и возобновляемый ресурс; производство мозгов и знания как «сырьевые» отрасли и дармовой экспорт «низких переделов»... Для России всё это слишком знакомо: лес, лён, пенька, мех, отдельные металлы — теперь нефтегазовый комплекс и идеология энергетической сверхдержавы. Для «цивилизации нефти» или «нефтедобывающей цивилизации»⁵ это проблема особого рода эсхатологии. Цивилизации маиса гибли в периоды повторяющихся засух — советскую цивилизацию во многом надломила «засуха» потока нефтедолларов, и эти тени до сих пор, как кошмар, тяготеют над умами живых политиков и экспертов. Современность и сама цивилизованность нынешней *материальной цивилизации* в России является сугубо импортной, то есть в основном покупаемой на средства от сырьевых продаж. Анализ соответствующих перспектив и установка на «смену вектора развития с сырьевого на инновационный» — официально признанная идеологема и тема разговора в активной составляющей Российского проекта цивилизационного развития, его «материальной» части.

При этом резко меняется совокупная композиция общего «цивилизационного тела», характер и принцип его сборки. Такого рода организованность перестаёт быть линейной и одномерной, собираемой «через запятую». Теперь это скорее сложнейшая разномасштабная, многоуровневая комбинаторика, допускающая почти любые, в том числе вызывающе эклектические связи, включения и переплетения. Активно работает фрагментация самых разных уровней, вплоть до микропроцессов «цивилизации индивида» или качества «личностной цивилизации»⁶. От сопоставления и противопоставления линейно и одномерно собранных цивилизаций мы переходим к гораздо более сложной композиции,

⁴ Включая, в частности, Вальтера Шубарта: «Из духа ландшафта вырастает народная душа. Он чеканит в ней постоянные национальные свойства» и т. п. (Шубарт В. Европа и душа Востока. — М.: Русская идея, 2000. — 443 с.)

⁵ Рубцов А. В. Нефтедобывающая цивилизация. Система понятий и масштабы бедствия // Неприкосновенный запас. — 2019. № 4. — С. 148–164.

⁶ Ср. с концептом личностной, индивидуальной идеологии или «идеологии одной головы», с транспонированием идеологического как «сознания для другого» в структуры *внутреннего диалога* и *внутренней речи* — другого в себе (см. статьи автора: Рубцов А. В. Идеи как переживание. От психоистории к психоидеологии русской идеи // Вопросы философии. — 2019. № 12. — С. 20–30; Рубцов А. В. Идеология в структуре социума и личности // Полилог / Polylogos. — 2019. Т. 3. № 4). Личность рассматривается как монада микрогосударства со всеми институтами и практиками идеологической работы и идеологической борьбы человека внутри себя, с самим собой.

оперирующей скорее понятиями «цивилизации цивилизаций», сложно дифференцированной как в социальных иерархиях, так и территориально. Для России, всё так же соединяющей через «окна в Европу» резко цивилизованный мир с собственным захолустьем, лишённым нормальных дорог, доступного жилья, газа и канализации, это отдельная тема (кстати, во многом отражённая в программе «национальных проектов»).

Далее будет показано, что принцип «цивилизационной множественности» или «цивилизации цивилизаций» подводит к идеям множественности цивилизационных проектов, в том числе к необходимости понимания РПЦР в том числе и как «проекта проектов», то есть *метапроекта*.

1.2. Модусы «российского»

В схеме РПЦР неоднозначно даже понятие «российский». Либо мы исследуем цивилизационный проект, как он воплощался и воплощается в истории России, и тогда это объект. Либо речь идёт о бренде *made in Russia*, призванном одарить человечество, остро нуждающееся в морально-нравственном и концептуальном окормлении со стороны сильно одухотворённой России и её очень интеллектуальной элиты.

По большому счёту «российским» является всё, что имеет отношение к нашей цивилизации с момента возникновения и включая перспективы в будущем. Иными словами, это вся история России в её разрывах и связях, в конфликтах и преемственности. На уровне предельных генерализаций «автором» такого *проекта Россия* мыслится нечто сверхобщее: логика исторического процесса, объективные законы развития, «судьба» или даже нечто трансцендентальное.

Следующий уровень — это горизонт более определённых цивилизационных проектов и влияний «российского». При этом надо различать философию и историософию многообразных всемирно-исторических миссий России и конкретные исторические имплементации этих моделей. Поход на Константинополь не состоялся под аккомпанемент «Третьего Рима», зато в 1920-м году состоялся поход на Варшаву, что в плане мессианства и миссионерства тоже является классически «российским».

Это же подсказывает требование регистрировать *всечеловеческое* и *общечеловеческое*⁷ в российском характере и истории с максимальной беспристрастностью и соблюдением реального баланса. Если Новое время — это «время проектов», то именно советская Россия выносила и реализовала в XX веке на пике Высокого Модерна самую мощную в истории человечества проектно-преобразовательную программу, причём в формате даже не реконструкции,

⁷ См.: Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. — М.: ООО «Садра», Издательский дом ЯСК, 2019. — 216 с.

а именно «нового строительства». Этот *Российский Проект Цивилизационного Развития*, РПЦР-XX, потряс полмира и весь XX век до основания, а затем, будучи просто экстремальным вариантом небывалого и непревзойденного триумфа *общечеловеческого* в его претензиях на глобальный и всемирно-исторический абсолют. В философии, идеологии и в жизни это было самое общечеловеческое из всего общечеловеческого, известного за всю историю наблюдений, в том числе на фоне триумфов западного либерализма. В геополитике на какое-то время возникло подобие прозападной однополярности, но идеологически даже пунктир от Локка до Фукуямы проигрывает в сравнении с Марксом, Энгельсом, Лениным, Троцким, Ждановым, Суловым и Мао. Издательство «Прогресс» в своё время не случайно попало в «Книгу мировых рекордов Гиннеса» за небывалый в истории Homo sapiens вал издания и распространения идеологической литературы на русском и почти всех возможных иностранных языках, включая Ленина и Брежнева на дари и пушту.

Проект коммунистического строительства был одновременно и небывалым в истории образцом реального, практического воплощения такого рода идеологии. Ареалы этого *именно российского* проекта выходили далеко за пределы СССР и распространялись огромными концентрическими кругами на целые континенты и страны света. Если ещё можно иронизировать по поводу «цивилизации Варшавского договора», то уже понятие *цивилизации соцлагеря* со всеми возможными расширениями коммунистической идеи и революционно-освободительной практики вполне заслуживает профессионального внимания.

Отдельного внимания заслуживает категория «российский» применительно к мегатеме РПЦР. Согласно закону определение «российское» может употребляться в именах собственных только по согласованию с соответствующими инстанциями. В нашем случае такое согласование есть. Однако на уровне здравого смысла все понимают, что по крайней мере на начальных стадиях такой «российский» проект предьявляется городу и миру не как «произведение России», не как продукт отечественной философии или даже конкретного академического института, а лишь как творение сравнительно компактной группы авторов. Это к вопросу о сдержанности самооценок проекта — особенно на начальных стадиях.

И конечно же, наибольшие сложности возникают в работе с таким крайне многотрудным и неоднозначным концептом, как «проект». Поэтому здесь так важно понимать всю историчность и текущую изменчивость данного блока категорий и связанной с ними аксиологии.

1.3. Новое время как «время проектов». Рождение современности

Образы желаемого. Ренессансное возрождение мирских идеалов (человек, город, общество...). Обновление и конструирование — опознавательные идеи

цивилизационного модернизма. «Современное» и скорость: расслоение времени в сверхбыстрых изменениях.

Предприятия в жанре *проект* не всегда выглядели символом открытости человеческой природы (как это было провозглашено Сартром). Нынешнее трепетное отношение ко всякого рода запроецированной новизне также не безусловно и не вечно. Начиная с кризиса Высокого Модерна в его тотальных и тоталитарных воплощениях, наученная жизнью часть человечества не без оснований опасается всякого рода проектных предложений и инициатив со стороны знающих *как надо*. Эти предустановки прямо относятся к философии проектности, к науке о проектах и к собственно проектной деятельности — прежде всего в плане рефлексии и самоконтроля. Если не отслеживать эту принципиальную переоценку ценностей, состоявшуюся буквально в последние десятилетия, особо масштабные и амбициозные проектные начинания, пусть даже заявленные как исследования, легко скатываются к традиционному формату внеочередного Учения. Этот нарциссизм, как и всякая идеология, упиваясь своими откровениями, плохо переносит критику и конкуренцию. Работникам философского фронта вообще свойственна повышенная готовность к таким подвигам, поставляющим образцовый материал для упражнений в том, что Э. Ю. Соловьев назвал *контр-идеологической рефлексией*⁸.

Отсюда «проблема зеркала». В цивилизационных мегапроектах тем более необходимы специальные усилия, позволяющие контролировать риски сползания в морально-политическую дидактику, если не в лобовой идеологизм. На рубеже нового тысячелетия неосмотрительно и просто неинтересно работать с форматом проекта так, будто до этого не было уже нескольких десятилетий всеобъемлющей критики типичного для Модерна культа проектности как таковой и вообще всей экспансии, устремлённой в правильно расчерченное будущее. Тем более здесь необходима жёсткая антимонопольная методология, исключаящая приватизацию подходов и претензий на Истину — в том числе внутри самих исследований, аналитических программ и разработок.

Это непросто. Приступая к реализации РПЦР, мы автоматически втягиваемся в проектную традицию *современности*, включающей множественность времён — длительностей и ритмов⁹. Но это не означает наличия готового, полностью работоспособного концептуального аппарата. Возможно, в первую очередь это относится ко всем концептам именно проектности (чем РПЦР, собственно, и занимается).

⁸ См.: Соловьев Э. Ю. Философия как критика идеологий // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 21–72.

⁹ «Любая современность включает в себя различные движения, различные ритмы: «сегодня» началось одновременно вчера, позавчера и «некогда». «И разве не чрезвычайно важно знать, имеем ли мы дело с новым и бурным процессом или с завершающей стадией старого, давно возникшего явления, или же с монотонно повторяющимся феноменом» (Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И. С. Кона. — М.: Прогресс, 1977. — С. 117, 129, 134).

Здесь всё очень исторично и подвижно, и постмодерн ситуацию только усугубил, добавив ей динамизма и тумана. Более сложной и противоречивой представляется и сама история Модерна как якобы триумфального шествия организованной разумности¹⁰. Преобразование мира и общества на рациональных началах — не просто цивилизационная установка, но и своего рода мания Модерна с почти мистическими свойствами. Парадоксальный синтез: максимализм одновременно свободы и регулятивного контроля. Это радио, но особого рода. Реформации и Просвещению сопутствует расцвет демонологии и «охоты на ведьм». Кампанелла повернут на астрологии; архитекторы Нового времени дружно и хронически увлекаются масонством с его претензией на знание тайного кода изменений. Тот же пафос знания и контроля разделяют наука и разного рода инженерии, в том числе политическая, социальная, «человеческих душ»...

Этот энтузиазм всегда чреват выходом тёмной стороны — торжеством *слишком организованной дисциплинарности*. «Утопия» по архитектуре и уставу — не что иное, как светский монастырь. В «Городе Солнца» решены вообще все проблемы: слепые чешут шерсть, хромы стоят на страже, а бесплодные женщины поступают в «общее пользование». Эта мораль строга: «Подвергаются смертной казни те, которые из желания быть красивой начали бы румянить лицо или стали бы носить обувь на высоких каблуках» [Кампанелла Т., 1947]. После 27 лет тюрьмы социальный рай видится утописту острогом с плахой. И наоборот: идеальная тюрьма того времени — «Паноптикум» Иеремии Бентама — стилистически и графически почти неотличима от эстетики идеальных городов. Она строго центрична, сблокирована из стандартных модулей, а визуальной доступностью всех камер, открытых центральному наблюдателю, символизирует идеальную прозрачность для власти всей системы социального жизнеустройства. И всё это вместе — классические «проекты развития», роста цивилизованности и пр.

Столь радужные картины лишь высвечивают родовую травму Модерна: его фиксация на упорядоченности (*regularity*), измерении и исчислении всего, включая повседневную жизнь, на деле оборачивается новыми формами надзора, дисциплины и контроля. В парадоксальном соединении двух культов — Свободы и Порядка — раскрепощению сопутствует мания организации и тотального проекта. Прямая дорога в ад по пути в рай, в эти *исчадия рая*. Инверсия Мефистофеля: часть той силы, что хочет блага — и вечно совершает зло.

То же с понятием *современности*, радикально историчном и возникающим, лишь когда «время проектов» приводит социум в активное движение.

¹⁰ Ср. у А. Ф. Лосева: «При теперешнем развитии науки о Ренессансе банально и некритично звучат и такие оценки Ренессанса, как выдвижение человеческой личности, или индивидуума, как некое прогрессивное стремление в противоположность средневековому застою, как гуманизм и даже как реализм» (Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М.: Мысль, 1982. — С. 51).

В состоянии, близком к неподвижности, ничего *современного* как явления и понятия нет. Пока время стоит, всё (как в традиционном обществе) одинаково современно. И только на повышенных скоростях изменений время расслаивается: возникают прорывы и отставания, современное самоопределяется на фоне несовременного и отсталого — старого. В этом движении современное в оценочном плане оказывается синонимом нового и будущего.

Для понимания положения, в котором мы сейчас оказались, важно начало всей этой драматичной и далеко не однозначной истории. Одна из канонических версий отсчитывает Модерн со времён Буало и Перро, от конфликта во французской Академии между «древними», отстаивавшими верность античным образцам, и «новыми», призывавшими отбросить классику и творить только из себя, из свободного самоощущения здесь и сейчас. За этим конкретным спором проступает будущий культ новизны как таковой, самоценной уже своей «небывалостью». В итоге новое приобретает в культуре стилистическое имя *модерна* в рамках *большого Модерна* как эпохи «после Средневековья». Современное в такой логике это не то, что существует сегодня, а то, чего не было вчера и что открывает вход в ещё не существующее завтра.

Через советскую традицию культа нового этот пафос продолжился и в новой, нынешней России, в том числе не столь давними воззваниями к модернизации с инновациями. И даже последующая неловкая попытка возврата к традиционным ценностям, духовным скрепам, культурным кодам и лишним хромосомам идентичности не может обойтись без упоминания человеческого капитала, цифровой экономики и искусственного интеллекта — символических вызовов именно так понятого будущего.

По другой версии, Большой Модерн начинается раньше и в архитектуре, с проектов «идеальных городов» — альтернативы хаотизму средневековой застройки. (Образ всегда предшествует концепту, модель — идее: вначале было не Слово, а Картинка.) Это два разных начала одной и той же эпохи *Modernity*: полемика в Академии (по Хабермасу) — или всё же идеальные города Возрождения; *Querelte des Anciens et des Modernes* — или «*Città ideale*» del *Rinascimento*? Но это и две конфликтующие оси в Модерне: новое во времени — или идеальный порядок в пространстве среды и социума, города и общества.

Новое — это открытость, независимость и свобода; порядок — это проект и организация, дисциплинарные техники, свободе враждебные. Градус конфликта почти одновременно почувствовали в градостроительстве и в политике, и произошло это ещё на входе в эпоху воплощения утопий. В среде, построенной по пусть гениальному, но тотальному проекту, мешает жить оскомины от «искусства», особенно знакомая музейным работникам и искусствоведам. Жизнь в макете, реализованном в натуральную величину, — психологическая, эстетическая и моральная пытка. Тотальный проект исключает пространственную и пластическую фиксацию живой жизни со всеми незапланированными дефектами и неподражаемым несовершенством — всего того, чего мы лишились с утратой «второй», спонтанной архитектуры — архитектуры без архитектора.

В политике те же риски: «Государство существует не для того, чтобы превратить жизнь в рай, но для того, чтобы не дать превратиться ей в сущий ад»¹¹. Менее известно его же ещё более резкое: «Ад нужен не для того, чтобы злые получили воздаяние, а для того, чтобы человек не был изнасилован добром» [Бердяев Н., 2006].

Опасности *причинения добра* теперь очевидны и универсальны, они одинаковы в техногенных воздействиях и в биоэтике, в политической евгенике, в социальной и генной инженерии, в чудесах полицейского государства и госплана, в экономической и информационной экспансии, в новом, в том числе местном колониализме¹². Новое время с трудом обошло не один тупик, но у России и здесь свой путь — и во многом свой язык, свои языки.

1.4. Темпоральное противоречие проекта¹³

Парадокс динамики и статики. Что есть проект: будущее в настоящем и (или) настоящее в будущем? Эффект проекции прошлого. Движение и остановка, старт и финиш, длительность и финализм. Философско-теоретическое, научно-практическое и бытовое понимание проектности: смешение языков.

Явно неординарная многозначность проявляет себя уже в термине «проект», вплотную соотносящемся с самим жанром РПЦР. Трактовка этого концепта задаёт оптику зрения и охват проблемной области, масштаб и границы предмета, методологию и алгоритмы. Косвенно она затрагивает этику и организационные модели совместной авторской работы. Наконец, здесь определяется характер сборки целого, включая предпочтительные форматы представления результатов. Что мы получим (должны получить) в итоге в виде *продукта проекта*? Что в такой работе можно считать итогом (в том числе промежуточным)? Можно ли вообще говорить об итогах в подобного рода меганачинаниях? И если да, то в каком смысле, а если нет, то каковы возможные сценарии продолжения такого рода длящихся исследований?

¹¹ Афоризм в промышленных масштабах приписывают Бердяеву, хотя в оригинале фраза начинается так: «Вл. Соловьёв хорошо сказал, что...» (Бердяев Н. А. *Философия неравенства* / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — С. 79 (http://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyayev_filoosofiya_neravenstva.pdf). У самого Вл. Соловьёва иначе: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — до времени не превратился в ад» (Соловьёв Вл. *Оправдание добра*. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — 656 с.).

¹² См., в частности: Скотт Дж. *Благими намерениями государства*. — М.: Университетская книга, 2011. — 576 с.

¹³ Общие подходы к проблеме времени в истории, в движении культуры и цивилизации см.: Неретина С. С., Огурцов А. П. *Время культуры*. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. — 344 с.; Неретина С. С., Огурцов А. П. *Онтология процесса*. — М.: Голос, 2014. — 724 с.

Само слово «проект» в общих, философских дискурсах как минимум может означать:

— воплощаемую в большой истории модель становления некоего особо крупного цивилизационного единства («Русский проект», проект «Россия», а то и вовсе проекты «Человек», «Человечество»);

— те или иные выдающиеся идеологические, политические, геостратегические, социокультурные, экономические, научно-технологические и т. п. *программы*, с большим или меньшим успехом реализуемые на разных этапах национальной истории («Третий Рим», развитой социализм, постсоветская реинтеграция «Русского мира»...);

— конкретные разработки, предлагаемые страной себе и миру, предназначенные для воплощения в настоящем и будущем с претензиями на статус общих нормативных моделей.

В больших долгоиграющих программах «проект» неизбежно выступает одновременно в разных ипостасях — как субъект и объект, как форма работы и её результат. Эта многослойная конструкция (проект исследует проект в проектном формате с установкой на разработку проекта) в нашем случае выглядит так: РПЦР исследует «российский проект цивилизационного развития» как изменяемую данность, делая это в формате комплексного коллективного проекта с претензией на предъявление собственной проектной разработки. Такое «проектное предложение» мыслится (должно мыслиться) как вариант *цивилизационного выбора* и как ответ на *вызовы цивилизации* в прошлом (пропущенные), в настоящем и будущем¹⁴.

Грандиозным начинаниям вообще должна быть свойственна предельно широкая и свободная трактовка как самого понятия «проект», так и времени его реализации. Проект в этом случае выглядит как большой метанарратив и практически отождествляется с историей России в её доцивилизационном, собственно цивилизационном и постцивилизационном (если понадобится) измерениях. Или короче: российский проект как вся российская биография с претензией на продолжение. У такого вселенского и всеисторического проекта, как правило, много «соавторов», начиная с череды мыслителей, лидеров и вождей и заканчивая спонтанными движениями масс и анонимными бифуркациями. Но по самому большому счёту главным создателем и *генеральным подрядчиком* такого проекта оказывается сама История, делегирующая соучастие в деле провидению или законам развития, социальной стихии либо политическому

¹⁴ В максималистской амбиции подобное предложение может представляться как проект «для России и мира», как эпохальное откровение отечественной «мягкой силы». Однако с такими претензиями принято выступать скорее по итогам работы, а не в самооценках, когда триумфальные арки строятся даже не до победы, а ещё до начала сражения. Кроме того, в идеологической практике понятие «мягкой силы» имеет ряд одиозных смыслов и часто звучит как саморазоблачение.

Рубцов А. В.
Цивилизационный проект как предмет исследования:
логика смыслов и оптика анализа

активу. Время в таком понимании проектности открыто для изменений и свободно для человеческой самореализации. В активной модальности эта стрела времени устремлена в будущее с типично модернистской претензией на реализацию очередной идеальной модели.

Здесь возникает естественное желание распространить на цивилизационные процессы культовое определение человека как «проекта самого себя». Утверждение ценно прежде всего отрицанием предопределённости — квиетизма¹⁵. Это радикальнейшая открытость времени и будущему: в подобной логике, изменяя себя в проекте, человек должен быть свободен непрерывно изменять и сам *проект себя*. Проект обеспечивает свободу, но именно в условиях свободы над проектом. Вместе с тем нельзя не учитывать и всей метафоричности данной конструкции. В противном случае легко уподобиться известному нейробиологу Стивену Роузу, который, сославшись на старение и болезни, ограничивающие свободу человека творить себя, назвал это утверждение Сартра «ветреным риторическим призывом» и «скорее упражнением в политической лозунгировке»¹⁶.

Кроме того, отрицая предрешённость судьбы и утверждая свободу человеческой самореализации, экзистенциализм (вообще и Сартра в частности) все же апеллирует прежде всего к личности, к независимому, суверенному индивиду. Но как только возникает минимальная коллективность, не говоря о больших сообществах и социуме в целом, свобода самоопределения одних легко оказывается несвободой, если не тюрьмой для других. Нельзя *проектировать себя* в обществе и быть свободным от него. Сохраняя власть над собственным проектом, в социальном плане человек оказывается не вполне свободен, притеснён или даже задавлен множеством других проектов — *проектов других «более свободных» проектантов*. Это не отменяет ценности и логики личного выбора и Поступка, но ставит условия.

Не менее сложны отношения проектов с настоящим и будущим временем. Проект устремляет человека вперед, но точно так же останавливает время и лишает человека будущего. В занятом им месте-времени потом обнаруживается

¹⁵ «Учение, которое я излагаю, прямо противоположно квиетизму, ибо оно утверждает, что реальность — в действии <...> что человек есть не что иное, как его проект самого себя. Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой, следовательно, не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь» (Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. Электронный ресурс: <http://www.etextlib.ru/Book/DownloadPDFFile/9211> (дата обращения: 04.11.2021)). «Первым делом экзистенциализм отдаёт каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» (там же).

¹⁶ Rose S. Lifelines: Biology, Freedom, Determinism. London: Penguin Books, 1997. 335 p. Или сжатый вариант: Rose S. Précis of Lifelines: Biology, freedom, determinism // Behavioral and brain sciences, 1999, no. 22, pp. 871–921. URL: [https://www.researchgate.net/publication/12031918_Precis_of_Lifelines_Biology_freedom_determinism, accessed on 04.11.2021].

лишь *перенесённое в будущее вчерашнее настоящее*, со всеми его инерциями и атавизмами. Надо понимать, что именно тотальная экспансия проектности (прежде всего в архитектуре и политике) спровоцировала диаметрально переоценку ценностей от тотальных мегапроектов Высокого Модерна к антипроектному пафосу постмодерна и постмодернизма¹⁷. Иными словами, проект в обычном смысле этого слова убивает все достоинства *исторически сложившегося* в среде любого типа, причём не только в прошлом, но и в том, что реализуется или ещё только предстоит. Там, где есть сверхсильный или, хуже того, тотальный проект, не бывает Сите, Замоскворечья, Авлабара или Хайдерабада — и точно так же не бывает подлинной, свободной политической самоорганизации.

1.5. Онтология проектности

Онтологическая двойственность: процесс и вещь, жизнь и изделие, проект и воплощение. Денотация «проекта» в философии, в теориях среднего уровня и в обыденных речевых практиках.

Многозначность базовых терминов может вносить в коллективную работу серьёзные, но и продуктивные осложнения. Хотя в программах, подобных РПЦР, понятие *проект* естественно задействовать в максимально широких философских смыслах, а именно как символ человеческой свободы и открытости будущему, нельзя не учитывать, что в распространённом понимании это понятие располагает скорее к активному и категоричному предъявлению законченной сугубо авторской позиции, концентрированной идеи, цели и результата, плана и реализации, произведения и изделия, проявления воли, вытесняющей альтернативы и всякого рода неуправляемую стихию. Все эти представления — устойчивый штамп, организационный, профессиональный и бытовой, в котором по определению присутствуют образы начала и окончания, старта и финиша¹⁸.

С этим приходится считаться. При всей широте философского понимания «проекта» наша возможность влиять на рутинную семантику весьма ограничена. Мы физически не в состоянии при каждом появлении этого слова (как выясняется, даже в собственном мышлении и письме) возникать с необходимыми

¹⁷ Рубцов А. В. Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии. — 2011. № 10. — С. 37–47.

¹⁸ В языке международной стандартизации проект как раз и определяется как «предприятие с предопределёнными целями, масштабом и длительностью» (ISO/IEC 2382-20:1990 Information technology — Vocabulary — Part 20: System development) или как «предприятие с определёнными датами начала и завершения, предпринятое <...> в соответствии с заданными ресурсами и требованиями» (ISO/IEC/IEEE 15288:2008 Systems and software engineering — System life cycle processes; ISO/IEC 15939:2007 Systems and software engineering — Measurement process). Имевшим дело с администрированием исследований и разработок тут же приходит на ум управленческая формула «закрыть проект», то есть обеспечить его формальную сдачу с полным пакетом согласований и документов.

дефинициями и разъяснениями. Насколько вообще можно «переучить» сообщество, так основательно повлияв на общеупотребимый язык и речь? Полностью переучить не всегда удаётся даже самих себя, особенно если иметь в виду весь объём словоупотребления. Даже если запретить неверные или упрощённые на наш взгляд смыслы, сработает известный эффект: «вычеркнутые слова остаются». И бывает, именно эти вычеркнутые слова всё решают, управляя контекстом в большей степени, чем слова, сохранённые «в твёрдой графике».

Философская аналитика в этом смысле не исключение. Авторы могут клясться пониманием проекта как длительности, как средоточия открытости другому и будущему... и при этом в реальной работе оставаться в режиме изготовления типичного «продукта» — в самом банальном смысле этого слова. Как в известной притче о советской конверсии, при самых отчаянных попытках неизменно воспроизводившей один и тот же результат — автомат Калашникова. Такие риски остаются при любых стартовых декларациях идеологов и концептуалистов и при любых заверениях коллективов в предельно широком и свободном понимании концепта *проект*.

Согласно известной формулировке, «нет разницы между тем, о чём говорит книга, и способом, каким она сделана» [Делез Ж., Гваттари Ф., 2010]. В несколько упрощённом смысле это может означать естество корреляции между формой и содержанием и даже более того — необходимость такой корреляции. Также имеется в виду неизбежная деформация нового и неординарного содержания при упаковке его в обычную, традиционную, а тем более заезженную форму. В больших коллективных проектах форма продукта (его структура и характер сборки) коррелируют также с форматами, стилем и этосом совместной работы как особым образом организованного исследовательского, творческого процесса. Строго говоря, нет особой разницы между тем, о чём говорит книга, и тем, как её делали. Даже такая, казалось бы, сугубо формальная вещь, как конструкция стартовой или отчётной монографии, способна девальвировать изначально задекларированные идеи. И наоборот: адекватная форма продукта может служить лучшим подтверждением того, что заявленные принципы (например, касающиеся межчеловеческих, политических и межкультурных взаимоотношений) не являются пустой декларацией в том числе внутри самого данного предприятия. Поэтому так важно уже в начале работы минимизировать редукцию проекта к формату монолитного вертикализированного изделия, вгоняемого в единую («всеобщую») концепцию.

То, что мы в рабочем обиходе позволяем себе называть институтскими «мегапроектами» (в том числе РПЦР), в общем виде, в официальных документах и внешней подаче, часто называется «мегатемами» или «направлениями», что ближе не к расхожему пониманию форматированной проектности, а к обозначению больших и максимально открытых исследовательских

*программ*¹⁹. Иными словами, всё это развёрнутые тематические, почти отраслевые *направления*, заведомо претендующие на гораздо большую проблемную и структурную полноту, чем это может вместиться в концепцию и идею любого так или иначе локализованного проекта. Здесь мы постоянно упираемся в так называемые вечные философские вопросы, заведомо не имеющие окончательного решения и, более того, требующие каждый раз нового взгляда, как будто работа над проблемой начинается заново. Знание предшественников и современного контекста, конечно же, необходимо, но именно сугубо самостоятельное осмысление вопроса каждый раз «с нуля» считается спецификой собственно философского отношения к реальности и к предмету²⁰.

Это означает, что отдельные проекты в рамках таких направлений:

— должны критически относиться к собственному финализму и изначально мыслиться как составляющие больших, длящихся, свободно развивающихся исследовательских программ;

— не могут сводиться к концептуальным монолитам, имеющим свойство быстро бетонироваться в виде якобы единых для всех соисполнителей идейно-методологических установок;

— должны начинаться с проекта обустройства максимально открытой совместной научно-исследовательской *жизни* внутри проекта, а не с торжественной презентации ещё только предполагаемых открытий.

В популярных внутри РПЦР терминах «всечеловеческое vs. общечеловеческое»²¹ это может выглядеть примерно следующим образом. *Всечеловеческое* как форма межкультурных и межцивилизационных отношений, основанных на принципах равноправия, равноценности и солидарности, противопоставляется *общечеловеческому* с его притязаниями на производство и продвижение универсальных нормативных моделей — образцов для всех, втягивающихся в единую глобальную «лидерскую», однополярную цивилизацию. Это влечёт за собой другую этику, особую структуру глобальных взаимоотношений, иную институциональную *архитектуру мира*, что само по себе является предметом нового метапроектирования, не сводимого к банальной «многополярности», к постколониализму и пр. В свою очередь, эта система взаимоотношений на метауровне может обеспечиваться достаточно общими, сквозными идеями и формами равноправия и кардинальной толерантности,

¹⁹ Это особенно очевидно в сопоставлении РПЦР с другими официально согласованными госзаданиями Института по мегатемам: «Практическая и прикладная философия», «Всемирная философия: основные понятия и системы», «Наука, человек и перспективы техногенной цивилизации».

²⁰ Ясперс К. Введение в философию / Пер. с нем., под ред. А. А. Михайлова. — М.: Пропилей, 2000. — 192 с.

²¹ См.: Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. — М.: ООО «Садра», Издательский дом ЯСК, 2019. — 216 с.

реализуемыми в разных габаритах, во всей иерархии масштабов: между цивилизациями, государствами, нациями и этносами, между идеологическими и политическими структурами в рамках одного государства и т. д., и т. п., включая взаимоотношения внутри академических институций, исследовательских программ, проектов и даже отдельных команд и авторских коллективов конкретных изданий. Этот сквозной принцип, реализуемый по всей вертикали «от геостратегии до науки» и «от цивилизации до книги», исключает *атавизмы субординации*, когда под идейной эгидой *всечеловеческого* на локальных участках и уровнях продолжало бы самореализоваться всё то же «общечеловеческое» местного значения, доминирующее в зонах доступного влияния — общечеловеческое Мценского уезда.

Однако такого рода принципы проще задекларировать, чем воплотить в достойной чистоте. Организация больших проектов с минимумом центрации и иерархии, «всечеловеческих» как по идее и внешней интенции, так и в отношении самих себя, является предметом специального философско-методологического осмысления и отдельного метапроектирования, ориентированного на особые взаимоотношения, алгоритмы работы и нестандартные формы презентации результатов. Проект обустройства мира на ценностях «всечеловеческого» закономерно предполагает организацию на тех же принципах и самого РПЦР — как предприятия, процесса и продукта.

1.6. Презумпция полноты и «контурное картирование»

Дискурс о цивилизации как системный объект. Реконструкция общего проблемно-тематического пространства. Что даёт «картирование» и почему именно «контурное»: задача и метод.

Пишущие о цивилизационных проектах вопрос о полноте охвата темы, как правило, тихо обходят. Людям вообще свойственно пользоваться естественным авторским правом возделывать свои излюбленные сюжеты, понимаемые как вклад в общее дело, за которое их никто не обязывал отвечать в целом. В итоге дело обходится без обращения к специальной аналитике и теории, так или иначе связанной с полнотой цивилизационного дискурса. Интуитивно такая полнота для автора сочинения гарантируется уже тем, что он честно пишет всё, что знает на данный момент и что не слишком конфликтует с традицией референтного сообщества. Качество таких обобщений исчерпывается в главном личными компетенциями пишущего, а всё, что могло остаться вне поля зрения, без анализа и даже без упоминания, даже не обсуждается.

Но вот достаточно свежий взгляд на возможности подобных обобщений: «...Как только мы пустимся в детали, <...> выяснится, что разные значения и парадигмы «цивилизации» имеют тенденцию переплетаться, одни элементы описанных выше определений смешиваются с другими. В итоге границы, необходимые для создания внятной классификации, зачастую стираются.

Возникают любопытные гибриды, вроде идеи цивилизованных войн (civilized wars). Так, история цивилизации рискует превратиться в беспорядочное перечисление отдельных интерпретаций термина, пугающих многообразием своих смыслов» [Велижев М. Б., 2019, с. 19]. Это уже более строгое отношение к предмету. Вместе с тем, даже в таких проблематизациях речь идёт исключительно о переплетении и смешении смыслов в *понятиях*, то есть о проблемах *языка описания, но не самого предмета и процесса*. В нашем же случае (см. параграф 1.4) подчёркиваются переплетения, с некоторых пор характерные для структуры самих цивилизационных образований эпохи postmodernity. Иначе говоря, рассматривается вполне объектный и сравнительно недавний тренд — тенденция, наблюдаемая не в языке теории, а в самой истории после надрыва Высокого Модерна. Речь о ранее немислимых живых переплетениях в общем потоке цивилизаций, а не только в семантических полях, о смешениях в новой архитектонике мира, в его наблюдаемой предметности. Это эклектичная взаимодиффузия компонентов, характеризующая как речь, так и само исследуемое движение. Что-то вроде *самовоплощающейся многозначности* или *объективируемой, опредмеченной полисемии*.

Проблематичен и сам рецепт: «Как мне кажется, единственный разумный выход из ситуации — ограничиться несколькими репрезентативными сюжетами и не стремиться (увы!) к всеохватности или энциклопедичности. Как говорится, “всего не упустишь”» [Велижев М. Б., 2019, с. 19]. Но при кажущейся резонности такого взгляда на вещи он адекватен, только когда автор (коллектив) делится своими соображениями об отдельной книге (издании). Как только речь заходит о мегапроекте, мегатеме и целом исследовательском направлении, такая редукция не просто вызывает вопросы — она некорректна и невыполнима чисто конвенционально. Бессознательные или волевые исключения в таких случаях не могут быть мирно согласованы и порождают лакуны уже на уровне тематизации, то есть ведут к серьёзным содержательным потерям, часто фатальным и невозможным. Отсюда необходимость удерживать спектр проблемных сюжетов и актуально значимых (хотя бы и «спящих») смыслов базовых категорий во всём их семантическом многообразии и связности. Нельзя претендовать на разработку биологии млекопитающих, без лишних объяснений игнорируя травоядных, копытных, гнedyх и саблезубых. Такие пропуски некорректны уже потому, что об этих отрядах и видах авторы классификаций обычно знают мало или ничего исключительно в силу сугубо жизненных, биографических обстоятельств. Люди, читавшие другие книги, имеют и другой состав сюжетов, а часто и другой кругозор. «Что мы знаем о лисе? — Ничего. И то не все».

Это диктует необходимость с самого начала рассматривать разработки, связанные с цивилизационными процессами и проектами, в контексте более общих тем или направлений. Желательно максимально общих из доступного, например, как класс в рамках надкласса. Ограничения в предмете не должны быть отпечатком ограниченности авторов. При грамотной постановке дела всё, что «выносится за скобки» и «остаётся за кадром», в снятом виде всё же присутствует, реально влияя на повороты концепции. В итоге проблема полноты

прямо выводит на макроструктуру самого исследования, на особенности его нарезки и этапности, границ, локальных направлений и слоёв, причём влияние это проявляется, начиная буквально с первых же обсуждений исследовательской и публикационной стратегии²². В таких исследованиях выявление незнания часто оказывается интереснее, полезнее и важнее очередной компиляции и без того известного.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что пространства незнаемого (или по тем или иным причинам методологически abortируемого) могут восприниматься авторами и коллективами как враждебные, как агрессивно вторгающиеся в сложившиеся проблемно-тематические заповедники и нарушающие мирное течение философической жизни. От этих интервенций начинают обороняться как от вносящих непредусмотренную конкурентность, а заодно и необходимость отказываться от понимания уже «найденных» решений как выдающихся и достаточных. Открываются большие пространства дополнительной работы, которую надо было и ещё неизбежно предстоит проделать. Но эта работа может восприниматься как совершаемая «во вред себе»: она все более наращивает фон, заметно снижающий статус и достоинства уже, казалось бы, обретенных откровений. И хотя презумпция полноты дискурса как методологического ориентира сама по себе не может вызывать явного отрицания, на практике здесь часто встречается скрытое сопротивление.

Отдельный скепсис может вызывать ошибочное представление, будто здесь речь идёт о создании «всеобщей теории всего», о задаче непомерно громоздкой, трудозатратной и в принципе нерешаемой. Однако ориентированные на целое методики картирования допускают использование любых масштабов и уровней подробности. С таким же успехом можно предъявлять претензии к глобусу или

²² Подробнее о публикационных стратегиях в таких проектах см.: Рубцов А. В. Модели цивилизационного развития в контекстах универсального дискурса. Состав проекта, тематическая структура, каркас категорий // Проблемы цивилизационного развития. — 2021. Т. 3. № 1. — С. 128–172.

атласу мира — не говоря уже о картировании как широкозахватном тренде²³. Даже в чисто техническом плане картирование как таковое обеспечивает системную сборку сверхсложных объектов. Но в нашем случае принципиально важна работа с «контурной» картой, поскольку именно отягощённость конкретикой часто мешает увидеть целое в его собственной логике (или в её отсутствии)²⁴. Преимущества графической схемы над натуральной аэрофото- или космической съёмкой очевидны в любом автомобильном навигаторе при переключении опции «вид» между позициями «схема» и «космос». Либо мы с интересом разглядываем на экране фото деревьев и крыш в поисках собственного дома — либо всё же видим общую дорожную схему и понимаем, как и куда ехать. Контурная карта в собственном смысле слова предполагает единую географию, локальные зоны которой «закрашиваются» последовательно или одновременно, но именно в общей навигации, каждая на своём месте. Без этого обобщения неизбежная вначале случайная фрагментарность консервируется, становится хронической и необратимой, нередко теряющей целые направления, именно сейчас, в текущий момент обретшие наибольшую актуальность.

Максималистские (холистские, холистические) обзоры общего контекста необходимы уже на этапе самоопределения проекта в плане его научных

²³ Картирование (mapping) — одна из наблюдаемых тенденций времени, «когда карта становится не отражением территорий, а основой для философского и художественного исследования когнитивных, чувственных, эмоциональных, эстетических и других миров. Картирование при этом становится методом, моделирующим и задающим координаты новому качеству осмысления феноменов внутреннего и внешнего мира. Этот переход от географической карты к карте концептуальной и картированию можно воспринимать и как своеобразный маркер в изменении восприятия мира. Возможно, в этом переходе можно уловить и один из «симптомов» смены парадигм: когда парадигма модернизма сменяется парадигмой постмодернизма» (Минаева И. В. Картирование как метод репрезентации в работах Ойвинда Фальстрёма // Артикульт. — 2014. № 16 (4). — С. 105). Автором идеи противопоставления карты модернистской сетке (grid) является арт-критик Ким Левин: «Возможно, последний из модернистов когда-нибудь будет отделен от первых постмодернистов на основании того, что лежало в основе его произведений — сетка или карта» (Levin K. Farewell to Modernism. The Art Magazine, 1979, no. 52, p. 90). См. также: Harmon K. The Map as Art. New York. Princeton: Princeton Architectural Press, 2009. P. 9. Не обходит данный тренд и собственно философия: «Актуальность практик картирования в современном обществе и искусстве проявляется также в интересе философов, психологов, лингвистов, представителей других гуманитарных наук к концепту карте и картированию. Для них заложенные в метафоре карты потенции позволяют сформулировать новый взгляд на привычные вещи, понятия, явления в рамках парадигмы постмодернизма, прийти к новым идеям относительно перемен, происходящих с человеком и обществом. Эти идеи, перекликаясь и отчасти пересекаясь с концептом картирования в художественных практиках, расширяют представление о нём. Здесь можно упомянуть работы Луи Марена, Жюль Делёза и Феликса Гваттари, Фредерика Джеймисона, Бруно Латура» (Минаева И. В. Картирование как метод репрезентации в работах Ойвинда Фальстрёма // Артикульт. — 2014. № 16 (4). — С. 106).

²⁴ Поскольку смысл любого фрагмента речи или письма определяется в конечном счёте контекстом, таким контекстом на контурной карте могут быть даже простые обозначения тематических направлений или проблем — «пустые соседства». Пустое, но корректно обозначенное в целом в этой процедуре ценнее детально расписанного.

притязаний и политических амбиций. В рядовых случаях речь вряд ли может идти о прямом уподоблении масштабирующим образцам, таким как школа «Анналов» или Институт Конфуция. Однако такой опыт необходимо иметь в виду как фон, на котором компетентная критика обычно воспринимает амбиции и результаты всех подобных проектов, особенно если их претензии предъявлены на широкую ногу.

Важно также учитывать, что предыдущие «фоновые» программы-прецеденты могут быть исполнены в самых разных жанрах: «Москва — третий Рим», русская идея и советский проект коммунистического строительства; сборка германских империй от «Священной Римской империи германской нации» до глобального проекта нацизма и идеологии послевоенной реабилитации Германии (план Белля); *american dream*, *american exceptionalism*; *canadian identity*, «*canadiana*»; *pacific identity* в австралийской итерации; японская модель (*japanese uniqueness: nihonron, nihonjinron*); панарабизм и арабский национализм («аль-кауимийя аль-арабийя»); кемализм и «шесть стрел» Ататюрка, новый пантюркизм и «видение 2023»; китайский ЭПШП («один пояс — один путь»); чучхе в КНДР; мобилизационные идеи и национально-этнические идеологии «молодых восточных тигров» и т. д., и т. п. Сюда же относятся новейшие проекты России как отдельного государства-цивилизации и энергетической сверхдержавы, освоения экономики знания и опоры на человеческий капитал, «смены вектора развития с сырьевого на инновационный», культура великой победоносной истории и глобального превосходства отечественной моральной традиции... И всё это под аккомпанемент заигрываний с искусственным интеллектом, военным сверхзвуком и «цифровой цивилизацией».

Весь этот мировой и отечественный опыт составляет базовый слой проблемно-тематической карты проекта. Любой ответственный коллектив не вправе делать вид, что таких программ не существует в природе или что российская разработка не имеет к ним отношения. Показать своё место в таком ряду — действие непростое, даже рискованное, но честное, а главное, необходимое для самоопределения.

Вместе с тем с точки зрения собственно философии и социогуманитарного знания ничуть не менее амбициозной выглядит задача не просто «рабочего», но именно теоретического моделирования проблемного пространства, в которое так или иначе вписывается программа РПЦР. Для философии проблема не только в судьбе цивилизации и сосуществовании цивилизаций, но и в парадоксальном сосуществовании плохо совместимых друг с другом дискурсов о цивилизации. И хотя на старте практически невозможно выйти за рамки случайных констелляций исследователей, их интересов, заделов и потенциальных возможностей, понимание этого тем более говорит о необходимости отдельной проработки метауровня — теории и методологии картирования проблемы как целого. Общий дискурс о цивилизации вообще и о цивилизационных проектах в частности представляет самостоятельную философскую и методологическую

проблему. Отдельная наука — как внедряться в это множество крайне разнородных языков, не наращивая ситуации сумбура вместо логики.

Что же касается более практических аспектов, то в методологиях и техниках обычного, в том числе архитектурно-планировочного проектирования такие виды работ достаточно устоялись, и это добротные, полезные аналоги. Приведённый выше перечень того, что в истории и современности считается классикой цивилизационных проектов (от «Третьего Рима» до «смены вектора развития»), почти в точности соответствует содержанию так называемых ситуационных планов, предшествующих всякому конкретному проектированию. Ещё до составления генерального плана более обширный по охвату ситуационный план показывает, где находится участок на карте целого, каково его окружение, в каких связях и взаимоотношениях с этим окружением он состоит. Официальная защита проекта реконструкции «усадыбы на Гончарной» по необходимости начиналась бы с представления участка на карте Таганки и Москвы, с обсуждения результатов анализа общей градостроительной ситуации и т. п. То же необходимо в отношении любого проекта цивилизационного развития.

Следующая стадия — так называемые опорные планы, показывающие всё, что на проектируемом или реконструируемом участке уже существует: строения, зелёные насаждения, коммуникации и т. п. Но участок «цивилизационного развития России и мира» не просто застроен, он застроен сверхплотно и крайне сумбурно. Плюс к этому он уже картирован множеством сильно не совпадающих друг с другом опорных планов от разных мастерских и инстанций. И даже если в своём кругу мы можем рассчитывать на интуитивный смысловой консенсус (хотя тоже весьма относительный), это не столько достижение, сколько констатация наших же потерь. Консенсус солидарного незнания — не лучшая оценка в таких мегапроектах.

1.7. Настройки анализа (основная, регулируемая и сменная оптика)

Три размерности картирования. Концепт «Вавилонской библиотеки» как предельное воображаемое. Образ сводного оглавления в едином виртуальном корпусе хрестоматий и антологий. Тени научной школы — избранные места из переписки друг с другом.

Дискурс о цивилизации можно рассматривать как минимум в трёх разных масштабах и соответствующих им настройках зрения: *интегральной*, *избирательной* и *локальной*. Прототип такого взгляда на предмет — различение макро-, мезо- и микроуровней в экономической теории и аналитике²⁵.

²⁵ См., в частности: Кирдина-Чэндлер С. Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику? Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2017. — 36 с.; Кирдина-Чэндлер С. Г., Маевский В. И. Методологические вопросы мезоуровневого анализа в экономике // Журнал институциональных

1. *Интегральная* оптика как чистая идеализация настроена на собирательный конструкт «дискурс как целое». Инструментальный аналог — широкоугольник с открытой диафрагмой, дающий почти панорамную экспозицию, но с коротким фокусом и малой глубиной резкости. У нас этому соответствует весьма общее представление об условной полноте первично структурированного знания обо всех направлениях, концепциях, темах, проблемах, идеях и сюжетах, какие только возможны применительно к цивилизациям, к цивилизационным процессам и проектам. Такая нормативная модель нужна для понимания места, которое каждый конкретный проект выкраивает для себя в большом дискурсе о цивилизации (на проектном сленге — «пятно застройки»). В масштабных предприятиях, подобных РПЦР, необходимо сразу и отчётливо понимать, в каком объемлющем контексте мы делаем то, что делаем. В пределе надо увидеть предмет глазами не просто штатного сотрудника научного учреждения РАН, россиянина и землянина, гражданина РФ и мира, но скорее изучающего чужую цивилизацию инопланетянина, имеющего доступ ко всем нашим архивам, сетям и пр. оцифрованной коммуникации. Что эти братья по разуму увидят, пытаюсь из своей тарелки вникнуть в суть и проблемы цивилизации планеты Земля, исследуя наши теории, манифесты, полемики и весь массив рассуждений на эту тему? Позиция пришельца поддерживает чистоту эксперимента.

Такой максимализм объединяет языки самой философии, фундаментальной и прикладной, отдельных наук, причём не только социогуманитарных. Здесь сталкиваются сферы сугубо теоретического знания и практических приложений, производства идей и вещей, ценностей и технологий. Тема цивилизации объединяет миры духовного и материального, «верха» и «низа», органики и кристаллизации, жизни и омертвления, революционных изменений и медленной повседневности. В цивилизационных проектах вплотную взаимодействуют дискурсы социума и власти, политики и идеологии, знания и веры. Это сфера интеллекта и темперамента, логики и характера. Здесь мы имеем дело с крупными и сверхкрупными ареалами не только массового сознания, но и коллективного бессознательного, рации и аффекта, разумной калькуляции и безумной пассионарности. Сам статус программ, подобных РПЦР, ко многому обязывает в плане такого рода полноты и поистине философского универсализма.

Анализ этого смыслового континуума вскрывает наличие пропусков, *слепых зон* и *белых пятен*, в той или иной мере неизбежных в частных разработках, но часто не обязательных, не оправданных и даже не осознаваемых. Поэтому ещё до попыток устранения подобных лакун так важен сам консенсус относительно их наличия и масштаба, готовность во всеоружии рефлексии и самокритики предельно нелицеприятно исследовать собственные ограничения и ограниченность, заставлять себя работать с иными, иногда очень

непривычными, даже раздражающими контекстами. Здесь приходится преодолевать как обыкновенную *инерцию покоя* — ответ ревнивой авторской самоудовлетворённости, так и издержки профориентации, наводящие эффекты всякого рода внешнего и внутреннего давления, самоцензуры и контроля.

Сама формулировка темы РПЦР как *мегапроекта*²⁶ создаёт на этом проблемном поле особую исследовательскую и деятельную ситуацию. Если человек — это проект самого себя, то цивилизационный проект в философском и даже просто научном понимании тем более должен начинаться как *открытый проект себя*, то есть как *проект проекта*. Начинать необходимо с *вопроса о вопросах*, то есть с *производства вопросов*, а не ответов. И уже тем более не в правилах философии давать гордые и решительные ответы на вопросы, таких ответов вовсе не предполагающие.

Уже сама интенция к активному расширению горизонта подводит к полезным открытиям. Чтобы понять, что Земля круглая, вовсе не обязательно было иметь глобус в натуральную величину, прорисованный в деталях. Точно так же совсем не обязательно держать в оперативной памяти все хроники цивилизации «в реальном времени», чтобы размышлять о наличии (или отсутствии) вектора истории, её ритмов, циклизма, «стрелы» и т. п. Вместе с тем глубина погружения здесь — если не *ab aeterno* (от бесконечно удалённой позиции в прошлом), то во всяком случае задолго до укоренения самого термина «цивилизация». Одновременно это и рабочая прогностика: какие пока остающиеся в тени сюжеты и темы имеют шансы в обозримом будущем выйти на первый план в науке и политике? В последнее время почти всё, что связано с движениями цивилизации и цивилизаций, видоизменяется с такой скоростью, что новые разработки и особо ценные предложения могут морально устаревать ещё до их предъявления городу и миру.

Помыслить такое целое помогает сильное допущение — образ всеобъемлющего аналитического труда, свободного от любых ограничений времени и объёма, квалификации и компетенции коллектива. Для начала это сводная аннотированная библиография дискурса о цивилизации, его опорных материалов и текстовых массивов, отслеживаемых в режиме online. Электронные ресурсы открывают достаточно новые, в том числе интерактивные и гипертекстовые возможности организации массивов *big data*, машинного дискурс-анализа и пр.

Образ такой «вавилонской диссертации», дополняя аналогию картирования с *атласами* и *картами мира*, выводит на рискованные, но не пустые сравнения с логическими и креативными машинами Луллия — Борхеса, с идеями

²⁶ О специфике формата «мегапроект» см., в частности: Рубцов А. В., Богословский С. В. Мегапроект для России: идеология, политика, экономика. — М.: Издательство «Известия» УД Президента РФ, Спецпроизводство, 2007. — 117 с.; Рубцов А. В., Богословский С. В. Мегапроект. О формате и контурах стратегии национального развития. — М.: Социум, 2008. — 47 с.

Рубцов А. В.
Цивилизационный проект как предмет исследования:
логика смыслов и оптика анализа

«Вавилонской библиотеки» и т. п.²⁷ Эти аналогии, естественно, надо понимать не буквально, а как прототипы особенно ярко выраженной максималистской установки²⁸. Важно, что смыслы здесь не только находятся готовыми, но и свободно генерируются. К подобным идеям теоретическая и творческая мысль возвращается очень не случайно, давно и постоянно, начиная с Attikai Lexeis директора Александрийской библиотеки Аристофана Византийского, «Ономастикона» Поллукса (Полидевка), санскритского словаря Amarakośa (Nāmalingānuśāsanam), Thesauros Брунетто Латини, Ars Magna et Ultima Раймонда Луллия, «Циклопедии» Эфраима Чемберса (Cyclopaedia: or, An Universal Dictionary of Arts and Sciences), Specieuse generale Г. В. Лейбница и т. д. В итоге все эти старые опыты и мечты выливаются в новейшие таксономии, управляемые словари, тезаурусы и онтологии, в фантазии повальной роботизации интеллектуальной деятельности, всей умственной сферы. При издержках моды и нередкой натуралистической наивности такого энтузиазма подобные идеи уже начинают работать как методологические регулятивы осмысленной футурологии и рабочей прогностики²⁹.

В нашем случае такой максимализм полезен уже тем, что помогает проекту и аналитику понять свое место в процессе и теме:

— даёт представление не просто о нормативной модели целого, но и о том, что дискурс о цивилизации есть одна из базовых составляющих самой цивилизации (мир как «Библиотека», но и «Библиотека» как мир);

²⁷ Ср.: «Вселенная — некоторые называют ее Библиотекой...». «Когда было провозглашено, что Библиотека объемлет все книги, первым ощущением была безудержная радость. Каждый чувствовал себя владельцем тайного и нетронутого сокровища. Не было проблемы — личной или мировой, для которой не нашлось бы убедительного решения в каком-либо из шестигранников. Вселенная обрела смысл, вселенная стала внезапно огромной, как надежда...» (Борхес Х. Л. Вавилонская библиотека / Борхес Х. Л. Коллекция (Сборник рассказов). — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 640 с.)

²⁸ «Раймунд Луллий (Рамон Люлль) в конце XIII века изобрел логическую машину <...> Если иметь в виду её задачу <...> логическая машина не работает. Но <...> точно так же не работают вечные двигатели, чертежи которых сообщают таинственность страницам самых многословных энциклопедий; не работают метафизические и богословские теории, берущиеся объяснять нам, кто мы есть и что такое мир. Очевидная, общеизвестная бесполезность не умаляет их интереса. То же самое, думаю, можно сказать и о бесполезной логической машине» (Борхес Х. Л. Логическая машина Раймунда Луллия. Электронный ресурс: <http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/766/1/borhes.pdf> (дата обращения: 04.11.2021)). См. также: Хьюгилл Э. Борхес и никчемная машина // Хьюгилл Э. «Патафизика: Бесполезный путеводитель». Электронный ресурс: <https://gorky.media/fragments/borhes-i-nikchemnaya-mashina/> (дата обращения: 04.11.2021).

²⁹ То, что так часто относят к «бесполезным фантазиям», используется в том числе совершенно практически, например, в развивающих пособиях и играх (см.: Круги и кольца Луллия. Пособия и игры // Международный образовательный портал МААМ. Электронный ресурс: <https://www.maam.ru/obrazovanie/kolcy-lulliya> (дата обращения: 04.11.2021); Что такое круги Луллия и как с ними играть // Приоритет. Электронный ресурс: <https://prioritet1.com/blog/chto-takoe-krugi-lulliya-i-kak-s-nimi-igrat> (дата обращения: 04.11.2021).

— показывает, насколько те или иные конкретные исследования и разработки отстают от воображаемой полноты темы и насколько они могли бы продвигаться к такому регулятиву;

— проявляет интенцию и установку: наличие или отсутствие готовности что-либо делать в заботе о полноте и в принятии другого, несмотря на вносимый дискомфорт.

Альтернатива такому универсализму — отсекающая и порой весьма агрессивная, даже репрессивная фиксация проектов на отдельных сверхценных идеях, имеющая к тому же свой анамнез. В мягком варианте это проблема проектно-исследовательского баланса: генерировать или изучать, писать или читать, открывая целые направления и понимая при этом, что исследовательская программа — это нечто существенно большее, чем статья и даже книга. У Зигмунта Баумана этому отчасти близка оппозиция «законодателя» и «интерпретатора»³⁰. Диктовать своё или понимать другое — как такой баланс реализуется в играх с нулевой суммой? Подобное раздвоение представлено у Екатерины Гениевой ссылкой на классика, знавшего проблему изнутри: «И.-В. Гёте, сам посвятивший немало сил и времени библиотекам, находясь в должности министра герцогства Заксен-Веймар-Эйзенах, выразил эту мысль предельно афористично: «Активный учёный — плохой библиотекарь, как прилежный художник — плохой инспектор картинной галереи» (Paunell E. Goethe als Bibliotheker // Zentr. Bl. Fur Bibliothekwesen. 1949. Jg. 63. № 7/8. S. 258)³¹. Исполнители проектов, подобных РПЦР, вынуждены постоянно самоопределяться в подобных координатах: странно выступать с собственным номером, даже не ознакомившись всерьёз с множествами иных версий программы и репертуара. Музей и библиотека, как, впрочем, и энциклопедия, при всех технических ограничениях есть институты именно такой холистской установки, особенно востребованной на входе в большие исследовательские предприятия.

Эти же институты обеспечивают переход от универсальной целостности к более дробным структурам, сборкам и «коллекциям» среднего уровня — к разномасштабным мгновенным снимкам *избирательной* оптики.

2. *Избирательный* подход (мезо-уровень) ориентирован на выявление в полноте цивилизационного дискурса наиболее масштабных его членений и соответствующих им оснований дифференциации (осей, срезов, сколов, распилов, разломов). Цель — обзор и осмысление композиции особо крупных частей как системно организованных фрагментов целого. Иными словами, это уровень общей макроструктуры как множества и иерархии вторичных структур (подсистем). Целое как *общая конструкция* и как *конструкция конструкций*.

³⁰ Bauman Z. Legislators and Interpreters: On modernity, post-modernity and intellectuals. Cambridge: Polity Press, 1987. 209 p.

³¹ Гениева Е. Ю. Хорхе Борхес — великий библиотекарь? // Научные и технические библиотеки. — 2005. № 1. — С. 49–57.

Удобный пример — уже упоминавшееся различие двух дискурсов о цивилизации — «большого» и «малого». С одной стороны, это всё тот же вопрос: что именно читать и исследовать — только академическую и научно-аналитическую литературу, то есть продукцию классиков и коллег — или же «всё подряд» в методически строгом смысле слова, с зондажом пустот и «неудобий», с цифровым контент- и дискурс-анализом и автоматизированным поиском? Но с другой стороны, это и вопрос понимания и контроля собственной вовлечённости в проблемы и включённости в дискурс. Или исключённости из него. Можно общаться в режиме «как художник художнику» — соглашаться, критиковать, выискивать зерно истины и расталкивать других, продавливая собственное решение. Но тогда есть риск в духе предупреждения Гёте оказаться в положении усердного полемиста, но слабого аналитика. В самом деле, чтобы войти в дискурс как таковой, надо поначалу собрать силу воли и не вступать в самоценные, тем более в искусственно нагнетаемые полемики с его содержанием и активом. Собираение и отбор, понимание и оппонирование — разные задачи и компетенции, иногда даже разные профессиональные амплуа. Далее мы увидим, как фиксация проектов на локальных стычках может мешать обзору всего поля боя, особенно при слабом отличии философии от идеологии. В философии противоборство имеет иную природу, чем в спорте или на войне, и здесь, как нигде, уместен мудрый Фазиль: «В слове “победа” мне слышится торжествующий топот дураков» [Искандер Ф. А., 2021].

В техниках *мозгового штурма* стартовые методологии также запрещают преждевременную критику, тормозящую первичное «наполнение общей корзины» идей и фактов. Это сдерживает записных резонёров, мешающих работе собирателей и криэйторов. В этом плане картирование цивилизационного дискурса на мезо-уровне по сложности не уступает прообразу — типологии карт в географии.

3. **Локальный** масштаб (уровень конкретных проектов) в отношении к полноте предмета выглядит наиболее случайным и произвольным. Этот масштаб может начинаться как с отдельных команд (включая «мгновенные» сборки и временные научные коллективы — ВНК), так и с сугубо индивидуальных работ. Однако в формате РПЦР это всё же именно коллективный проект со всеми возможными плюсами суммирования и синергии, но и с естественными в таких случаях неожиданностями в соавторстве и тематическом соседстве.

В связи с этим отдельный интерес может представлять ближайшая к нам часть дискурса о цивилизации, относимая к таким ареалам, как «отечественная», «советская» и «постсоветская» философия, история и культурология. Можно ли вообще говорить здесь о «традиции цивилизационных исследований» или даже «цивилизационной школы» ИФ РАН и его междисциплинарного окружения? Такие обзоры важны как для эффективного использования задела, так и для

отслеживания устойчивых ограничений — своего рода *отсекающего контура*. Собранное внутри очерчивает оставшееся снаружи, включённое намекает на исключённое. На данный момент это актив РПЦР, круг упоминаемых в проекте научных авторитетов и «лидеров философского мнения» плюс отдельный список — ушедшие от нас мыслители, работы которых включены в том *Memoria*³². Можем ли мы сообщить об этом корпусе как об относительной целостности нечто большее, чем список авторов и работ?

Было бы странно, если бы здесь ещё задолго до РПЦР не формировалась определённая *коля*, сложившаяся конфигурация *шурфов, траншей и ложементов познания*. В таких случаях закономерно формирование узнаваемых стилей и словарей, восходящих к *местным тезаурусам*, шаблонам переходов от посылок к выводам («мыслительная мозоль»). Со временем складываются типовые конфигурации особо ценных и *сверхценных* (в том числе в психиатрическом смысле) идей. Кристаллизуется подобие собственной метатеории и своя «классика». В этом нет ничего противоестественного, однако в это естество входят также блокировки и защиты, отгораживающие местный канон от всего «лишнего». Могут абортиться целые разделы смежных дисциплин, игнорируемых по незнанию или «за ненужностью». Исследовательская «коля» превращается в окоп, из которого отстреливаются даже не от врага, а от всего, что угрожает красотам местных достижений.

Даже эскизное встраивание локальных проектов в общий дискурс полезно на любых стадиях, а в идеале и вовсе заслуживает регулярного мониторинга. Расширяя исследуемую территорию, локальные проекты фиксируют как приращения, так и всё новые зоны неосвоенного. Возникает институт своего рода разведывательных экспедиций как превентивных забеганий в другие, иногда *совсем другие* проблемно-тематические области.

Всё это реорганизует интегральный ресурс — он предстаёт как резервуар проблем, тем, вопросов (а иногда и ответов), которыми локальные проекты пользуются как заготовками в зависимости от задач и ситуаций. Отчасти это напоминает процесс проявления «невидимого» в формировании образов, как это интерпретирует Елена Петровская, ссылаясь в частности на Вальтера Бенямина и Жан-Люка Марьона: «...Проблема производности изображений от того, что можно обозначить как невидимое, представляется вполне универсальной. Это означает, что изображение появляется лишь при определённых условиях, то есть достигает порога видимости не как готовый семиотический продукт, но или тогда, когда наступает исторически необходимый «час прочитываемости» (В. Бенямин), или «насыщаясь» и тем самым наполняя наш взгляд (Ж.-Л. Марьон), или являясь эффектом свободного движения означающих, или

³² Российский проект цивилизационного развития. Т. 3. *Memoria*. — М.: ИФ РАН, 2022 (в производстве). Многие здесь дают комментарии к каждому тексту с выходом на более общие взгляды публикуемых авторов.

попадая в тот или иной канал передачи визуальной информации» [Петровская Е., 2010, с. 8]. По отношению к локальной оптике частных проектов избирательное и интегральное служит таким же латентным ресурсом, потенцией, ожидающей своего «порога видимости», «часа прочитываемости» или «насыщения».

Но это и нечто большее, чем безразмерная шпаргалка для желающих расширить горизонты локальных проектов. Это ещё и возможность самопроявления невидимого текста, его всплытия из глубин дискурса уже не только как ресурса и резерва. Внешне это похоже на симпатические («шпионские») чернила — раньше написанное молоком и лимонным соком проявляли утюгом или лампой, как Ленин в Шушенском; теперь достаточно включить/выключить опцию «заливка шрифта цветом фона». Нам же здесь важнее сами эти проявляющие ситуацию вне- и надсубъектные обстоятельства. Такие факторы могут иметь чрезвычайно высокий и даже наивысший статус, соизмеримый с тем, что называют *вызовом самой истории, вызовом цивилизации* или ситуацией *цивилизационного выбора*. Тем самым активно предлагается нечто виртуальное, подобно Океану из «Соляриса», и уже наша ответственность, как мы этими дарами воспользуемся. «Колея» может десятилетиями направлять общий ход мысли, но *вызов истории и цивилизации* может резко ломать ситуацию. Иногда достаточно года и даже месяцев.

1.8. Эффекты дискретности и восстановление континуума.

Компенсация лакун — задачи и метод

Презумпция множественности цивилизационных проектов. Умеренный конструктивизм postmodern: размытость и эклектика атрибутивных признаков цивилизаций как проблема их идентичности. От дискретности монолитов к композициям фрагментированных структур и трендов. Эффекты встроенности в объекте (цивилизации в цивилизациях) и предмете (проекты в проектах).

Введённая выше метафора «экспедиций», преодолевающих «аналитическую робинзонаду», означает, что поначалу расширение дискурса намечается лишь векторно. Тем не менее, уже сама множественность потенциальных направлений поиска подводит к пониманию, что «российский цивилизационный проект» (и тем более проект *развития*) в принципе не может быть одномерным, одноуровневым и односоставным — «неразборным». Это следует из масштаба и характера задачи. Как уже отмечалось, критикуя однополярный мир и глобализм притязаний *общечеловеческого*, РПЦР сам тем более не вправе быть «однополярным» и «локально общечеловеческим» в себе — в формулировке генеральной линии, идеи и собственно предмета (а значит, исследовательской стратегии и дисциплины). Он не должен замыкаться на той или иной ограниченной совокупности сфер знания и деятельности. Как целое он не может быть подписан под какое-то одно сколь угодно выдающееся авторство с помпезным самоназванием; на рабочих этапах «РПЦР» — его единственное

легитимное имя собственное. Уже по статусу программы такой проект должен быть именно «пакетом», *проектом проектов* — как «мир миров» или «сказка сказок». Иначе всё опять скатывается к узкой и, по сути, технико-технологической трактовке самого понятия проекта. Это как если бы в урбанистике градостроительную стратегию или план системы расселения подменили рабочими чертежами одиночного объекта, хотя бы и шедевра. И дело не в содержательных претензиях программ. Планетарий тоже про космос, но, тем не менее, это, как пишут в технических паспортах, *отдельно стоящее сооружение*.

Намечая дальнейшее развитие темы заполнения и компенсации лакун единого дискурса о цивилизации (по крайней мере в той его части, которую имеет смысл прежде всего актуализировать к контексте РПЦР), можно выделить как минимум следующие направления.

Идеология и цивилизации. Ещё раз к вопросу о некоторых недостатках нашей идеологической работы

Выделяются три уровня:

— идеология как интеллектуально-духовная компонента собственно цивилизации, в том числе в плане движения от особо акцентировавшихся Тойнби религиозных составляющих (теократий) к новой модальности идеократий;

— идеологичность сквозного содержания дискурса о цивилизации (скажи мне, что ты думаешь о цивилизации и цивилизациях, — и я скажу, как ты будешь голосовать на следующих выборах);

— идеология как явный или скрытый формат проектов цивилизационного развития (политические метафоры и иносказания).

При этом идеология рассматривается как переход в континууме между *верой* и *знанием*, то есть между полюсами с асимптотическим приближением к религии, с одной стороны, и философии — с другой (аналог конституирования политического у Карла Шмитта через оппозицию «друг — враг», продолжающую оппозиции прекрасного и безобразного в эстетике, добра и зла в этике и пр.)³³. В современных дискуссиях особенно важно разоблачение *иллюзий деидеологизации*, а также переход к новым модусам идеологического: «теневая», латентная, диффузная, «проникающая» идеология, психоидеология

³³ Рубцов А. В. Вместо заключения // Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. — М.: ИФ РАН, 2016. — С. 224–242; Рубцов А. В. Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти. — М.: Прогресс-Традиция, 2020. — 815 с. Здесь и далее в данном параграфе даются ранее опубликованные тексты автора.

и идеологическое бессознательное³⁴. Что касается формата и научного статуса РППЦР как проекта, то здесь предстоит отрефлексировать концепции и тексты через критерий оппозиции очевидного и неочевидного (представление неочевидного очевидным в идеологии и критика очевидности в философии и науке).

Иерархии и соотношения масштабов

Тенденция и результаты расширения масштабной шкалы цивилизаций. Новый глобализм и микротенденции. Взаимоотношения и связи в иерархии масштабов: индивидуализмы глобального и приватное как цивилизационный микрокосм. Противопоставление всечеловеческого и общечеловеческого как сквозного онтологического, этического и политического принципа в универсуме цивилизационной иерархии³⁵.

Ревизия концепций идентичности

Издержки избыточных и субъективных генерализаций в трактовке идентичности применительно к цивилизационным сборкам и проектам. От философско-литературных обобщений в понимании идентичности к «методологии отдела кадров» (принцип «развёрнутой объективки»). Состав «анкеты» и результаты «опроса». Провалы и конфликты в проблемах имени, даты и места рождения, этно-национальной принадлежности, родителей (отцов-основателей) и близких родственников, вероисповедания, наград и взысканий, исторических подвигов и судимостей и пр. Разорванность самосознания и «объективки»: временное и субъективное состояние или характер и судьба?³⁶

³⁴ См.: Рубцов А. В. После деидеологизации: вопросы идеологии в Институте философии / Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 8–18. И др. тексты автора в кн.: Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 464 с.

³⁵ Рубцов А. В. Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // Вопросы философии. — 2020. № 8. — С. 20–31.

³⁶ Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. — М.: Библиотека Института современного развития (ИНСОР), 2009. — 260 с.

*Российские реалии в цивилизациях Модерна, постмодерна и постпостмодерна*³⁷

Российский цивилизационный проект XX века как максималистское воплощение жизнеустроительной установки Высокого Модерна. Особенности российского постмодерна. Новейший российский гибрид экстремального политического постмодернизма и незавершенного гуманизма Нового времени. Контуры постпостмодернизма в преддверии Сверхнового времени.

Демилитаризация истории

От хроник подвигов, свершений государства и власти («пыль событий») к истории повседневности. Ревизия исторического этоса и оптики зрения³⁸.

Обратная перспектива и ретроанализ

В настоящее время готовятся к публикации материалы для включения в т. 2. История и политика.

*Цивилизационная эсхатология и мегапроект «смены вектора развития»*³⁹

Витальные циклы цивилизаций Нового времени и постмодерна. Смена вектора развития: исторический размер событий, масштаб задачи и состав проекта. От технократизма «преодоления технологического отставания» к трансформации экономики, социальной сферы, институциональной среды, политики, идеологии, архетипов сознания и коллективного бессознательного. Обречённость проекта в отсутствие философского сопровождения.

1.9. Реверсивная оптика и ретроанализ

Графическое подобие структуры и процесса, синхронии и диахронии. Изоморфизм пространства изображения и времени воспроизведения (снимка)

³⁷ Рубцов А. В. Постмодерн как целое: архитектоника и языки // Вох. Философский журнал. — 2020. № 29. — С. 18–37.

³⁸ Экспертные доклады: «Какое прошлое нужно будущему России». — М.: Вольное историческое общество. (При поддержке Комитета гражданских инициатив.) Какое прошлое нужно будущему России? Результаты социологического исследования. — М., 2017. (В соавторстве с Г. Б. Юдиным и Д. О. Хлевнюк.)

³⁹ Рубцов А. В., Богословский С. В. Мегапроект. О формате и контурах стратегии национального развития. — М.: Социум, 2008. — 47 с.; Рубцов А. В., Богословский С. В. Мегапроект для России: идеология, политика, экономика. — М.: Издательство «Известия» УД Президента РФ, Спецпроизводство, 2007. — 117 с.; Экспертные доклады: Обретение будущего. Стратегия 2012. — М., 2011 (в соавт.); Обретение будущего. Стратегия 2012. Конспект. — М., 2011 (в соавт.); Россия XXI века. Образ желаемого завтра. — М., 2010 (в соавт.).

и прокрутки, «картины» и «кинокартины»). От графики к смыслу: прямая и обратная перспектива в горизонтах онтологии, метафизики, трансценденции (Эрвин Панофский, Павел Флоренский). Обратная перспектива в диахронии — от понимания современности из генезиса и истории к пониманию истории и генезиса как возвратной проекции современности. Реверсивная логика и ретроанализ: препарированное настоящее как «ключ к анатомии» предшествующих форм.

Обращение к философскому наследию показывает, что проблема множественности моделей и проектов является не только методологической или этической, но и некоторым образом метафизической, а для ряда мыслителей ещё и трансцендентальной. Моноцентричный и линейный («однополярный») взгляд в пространство исследования не является единственно возможным; как и в живописи, он выражает лишь определённую, исторически возникающую (и потенциально преходящую) форму ориентации в мире и в истории (если верить в чудеса совпадения исторического и логического). Эту историчность возникновения и дальнейшей судьбы моноцентризма в изображении и в самой метафизической, трансцендентальной оптике с редкой обстоятельностью прописал Эрвин Панофский в отношении перспективы вообще⁴⁰. В дальнейшем мы увидим возвышение темы у о. Флоренского в разворотах и смыслах *обратной перспективы*⁴¹. Здесь же пока достаточно договориться, что неподвижные изображения пространства на плоскости структурно (графически) подобны изображениям времени в истории — как могут быть изоморфны друг другу статика предметов и динамика кадров, картина в раме и «картина» как фильм (кинокартина), как композиция и монтаж, как раскадровка элементов в изображении и музыкальных фраз в партитуре. Подготовленный взгляд *видит* музыку как «ожившую архитектуру» и пластику как разворачивающееся движение⁴².

⁴⁰ «Витрувий в наиболее часто обсуждаемом месте своих «Десяти книг об архитектуре» вводит своеобразную категорию «сценографии», то есть перспективного изображения трёхмерного строения на плоскости, основываясь на «*omnium linearum ad circini centrum responsus*». Разумеется, в этом *circini centrum* хочется видеть именно «оптический центр» перспективы Нового времени, несмотря на то что среди сохранившихся античных изображений нет ни одного достоверно известного, которое обладало бы единой точкой схода» (Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 336 с.).

⁴¹ Флоренский П. А. Обратная перспектива // П. А. Флоренский. У водоразделов мысли. Т. 2. — М.: Правда, 1990. — С. 43–106.

⁴² Пространственная трактовка времени присутствует в термине *спациация*, которым пользовался, в частности, А. П. Огурцов. См. также: Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. — М.: Наука, 1989. — 216 с.

Соответственно, такого рода *сценография*, как статическая, так и динамическая, может быть разной, в том числе полицентричной⁴³. Из этого следует, что цивилизационные модели и проекты развития также могут вписываться в разные схемы исторической *оптики* (а также «*ритмики*» и «*акустики*», порядков движения и слышимости).

Если совсем упростить и конкретизировать вопрос: можно ли вид темпорального пространства российской истории построить по правилам пространственной композиции русской (и не только русской) иконы?

1.9.1. Схематизмы обратной перспективы. Новая фрагментация и вторичная сборка

В связи с этим предлагаемый подход имеет ещё одну, а именно векторную особенность. Цивилизационные проекты принято строить на представлениях об определённом образом понятой истории. Господствующая идеология генезиса и «развития» использует оптику исключительно прямой (линейной) перспективы, ориентированной из прошлого в настоящее и будущее. Этот вектор анализа сохраняется даже при отказе от установок модернистского прогрессизма, от логики бинарных оппозиций, метанарративов и т. п. Характеристики, импульсы и саму природу современности ищут в истоках и «генах», в становлении, в наполняющей отечественную историю травматике бедствий и героике свершений. Замесы почвы и крови, чужестранные нашествия и вековая борьба против супостатов за жизнь, еду, имущество и независимость, подвиги экспансии и миссии — жертвенное братское заступничество, походы и великие путешествия, освоение пространств и собирание земель, созидание самой социальности и государственности... Анализ пытается разглядеть черты настоящего и желаемого будущего в особенностях становления культуры и «родовых» взаимовлияний, в былых приключениях веры и принятия религии, в истории обретения идентичности и суверенитета. А ещё лучше — в якобы врождённом характере и прочих культурных, морально-политических, интеллектуальных, деловых и т. п. свойствах цивилизационной «натуры». Всё выглядит так, будто особого рода *всечеловечность* и *всемирную отзывчивость* мы впитали с молоком матери-истории, но теперь нам и впитывать ничего не надо: всё самое хорошее уже есть у нас в генах, особенно в «лишних». Это исключает вопрос, кто здесь «матери-истории более ценен»...

Подобная установка почти стандартна и не является только российской, но у адептов понимания России как «историософской нации» это идефикс. Как уже

⁴³ Например, в музыкальной культуре это называется «полиритмией». В африканской музыке могут вестись более десятка разных ритмов одновременно, а есть ритмы, которые обычные часы вовсе не отбивают (Казанков А. А. Традиционная музыка Африки (кроме арабской и сомалийской). — М.: Институт стран Африки, 2010. — 108 с.).

Рубцов А. В.
Цивилизационный проект как предмет исследования:
логика смыслов и оптика анализа

отмечалось, безоговорочный культ исторического сплошь и рядом компенсирует осложнения в идеологии; язык якобы истории восполняет отсутствие сколько-нибудь адекватного и полноценного языка политики, когда слова и вещи теряют остатки онтологического соответствия. История становится гигантским иносказанием, метафорой макрополитического, в пределе цивилизационного проекта, о некоторых специальных свойствах которого говорить открытым текстом пока не получается. То же относится и к дискурсу *цивилизационного выбора*⁴⁴.

Одновременно это и алиби, индульгенция для настоящего. Неважно, что мы представляем собой здесь и сейчас, до каких высот поднимаемся и до каких низостей можем опускаться: моральное право теперь и впредь идейно окормлять движение человечества нам дано уже самим статусом прямых наследников Великой Истории и Культуры. И отдельно — Великой Литературы. Отсюда хронические приступы миссионизма и мессианства, гальванизация известного рода «русских идей», в том числе болезненно нарциссического толка, начиная с простой акцентуации и фиксации и заканчивая девиацией, патологией, клиникой и злокачественными формами⁴⁵. Иногда кажется, что достаточно задрать до небес Наше Всё, чтобы сделать всемирную отзывчивость богоданной миссией России. Эта сфокусированная на себе очередная религия спасения в самых отчаянных версиях распространяется от приписывания самим себе вечной верности традиционным ценностям и ориентациям до сочинения ориентиров внешней и оборонной политики, дипломатической доктрины и вооруженной геостратегии⁴⁶. Сейчас перепевы клермонтского пафоса перетекают в любимые сюжеты идеологической самодеятельности, стремящейся любой ценой быть замеченной и оценённой. В этой логике обидный ярлык «Верхняя Вольта с ракетами» технично преобразуется в парадный автопортрет

⁴⁴ См. цикл статей автора: Рубцов А. В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: условия задачи // Политическая концептология. — 2018. № 3. — С. 17–32.; Рубцов А. В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: реальные и ложные цели // Политическая концептология. — 2018. № 4. — С. 6–21., а также публикации в газете «Ведомости»: Цивилизационный выбор: империя духа (22.07.2018); Цивилизационный выбор: модерн и постмодерн (13.07.2018); Цивилизационный выбор: вызов и ответ (8.07.2018); Цивилизационный выбор здесь и сейчас (27.06.2018).

⁴⁵ См.: Рубцов А. В. Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти. — М.: Прогресс-Традиция, 2020. — 815 с.

⁴⁶ Ещё до «Пушкинской речи» всё о таком статусе было сказано у Майкова в «Клермонтском соборе»: Россия как *стационарный крестоносец* — защитник Европы от Азии, Запада от Востока, хранитель веры. В этой *клермонтской логике* нас и не любят «За то, что нам пришлось на долю / Свершить, что Запад начинал; / Что нас отныне бог избрал / Творить его святую волю». Сам Достоевский писал об этом предвосхищении в экзальтированно восторженной переписке с поэтом. «Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной, обо всем, о чём Вы с таким восторгом говорите» (ПСС в 30 т., 1972–1990, том 28 (I), с. 208). «Как хорошо окончание, последние строки в Вашем «Клермонтском соборе»! Где Вы взяли такой язык, чтоб выразить так великолепно такую огромную мысль? Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение её окончит Россия. Для меня это давно было ясно» (там же).

одновременно энергетической и духовной сверхдержавы с гиперзвуковыми ядерными носителями, Пушкиным и Достоевским наперевес.

Но в историософии и аналитике даже чисто формально возможен и иной взгляд, не столь откровенно эксплуатирующий грандиозное прошлое на потребу любому настоящему. Наоборот, оптика обратной перспективы основывается на реверсивном объяснительном потенциале современности в отношении того, что было.

В образах обратного течения времени нет особой небывальщины. Достаточно Пастернака: «Что будет, то давно в былом». И конечно же каноническое: «Однажды Гегель ненароком / И, вероятно, наугад / Назвал историка пророком, / Предсказывающим назад». В связи с этим Юрий Лотман пишет: «Пастернак допустил ошибку в цитате <...> приписав Гегелю высказывание А. Шлегеля (факт этот впервые установлен Л. Флейшманом), но сама эта неточность в высшей мере показательна. Остроумное высказывание, которое привлекло внимание Пастернака, действительно очень глубоко отражает основы гегелевской концепции и гегелевского отношения к истории. Ретроспективный взгляд позволяет историку рассматривать прошедшее как бы с двух точек зрения: находясь в будущем по отношению к описываемому событию, он видит перед собой всю цепь реально совершившихся действий, переносясь в прошлое умственным взглядом и глядя из прошлого в будущее, он уже знает результаты процесса» [Лотман Ю. М., 1994, с. 417–430]⁴⁷. И в самом деле: «Теперь сквозь строй его рапсодий / Идут герои напролом...»

Само совпадение исторического и логического классики марксизма рассматривали именно в движении анализа от высшего к низшему. Все знают, что «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»⁴⁸ (а не наоборот), хотя редко

⁴⁷ И далее: «Однако эти результаты как бы ещё не совершились и преподносятся читателю как предсказания. В ходе этого процесса случайность из истории полностью исчезает. Положение историка можно сравнить с театральным зрителем, который второй раз смотрит пьесу: с одной стороны, он знает, чем она кончится, и непредсказуемого в её сюжете для него нет. Пьеса для него находится как бы в прошедшем времени, из которого он извлекает знание сюжета. Но одновременно как зритель, глядящий на сцену, он находится в настоящем времени и заново переживает чувство неизвестности, своё якобы "незнание" того, чем пьеса кончится. Эти взаимно связанные и взаимоисключающие переживания парадоксально сливаются в некое одновременное чувство» (там же).

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12. С. 731. В связи с этим В. С. Швырёв пишет: «Развитый объект дает возможность глубже и полнее понять в истории то, что дано в ней в неразвитом виде, в виде зародыша, в виде «намёка», как выражается Маркс. Отсюда известное метафорическое выражение Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны». В то же время надо учитывать опасность абсолютизации этой формулы, связанную с тем, что проекция современного развитого состояния на историю «вычерпывает» в ней лишь то, что действительно генетически связано с современными развитыми состояниями. Иные тенденции и возможности развития такой подход не только не схватывает, но и при его неправомерной абсолютизации может затушевать, заслонить» (Швырёв В. С. Историческое и логическое / Новая философская энциклопедия (<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc976ba694a17720058b2c9>)). К этому

этой схеме следуют. Но при всей наезженности колеи «от истоков», «вперёд и вверх», обратный аналитический ход — от злобы дня и новейших состояний к анализу прошлого — уже не просто возможен. Во времена «повышенной исторической турбулентности и политической волатильности» он тем более оправдан. Та же история, но читаемая, а главное раскрывающаяся в обратной перспективе, помогает понять в прошлом то, что было дано в виде зародыша и намёка. Отсюда известная метафора из «Капитала». Для текущего самоанализа это как разглядывать себя нынешнего в зеркале, пытаясь честно переписать слишком шадящую автобиографию, возможно, даже возвращаясь к самому детству. С таким же интересом и пользой можно продираться от установок новейшего российского политического постмодернизма назад, через Третий Рим и Гардарику к язычеству и идолопоклонничеству.

У о. Флоренского обратная перспектива также не сводится к картинной графике, но содержит метафизический и трансцендентальный смысл. Прямая (или линейная) перспектива — лишь «...одна из возможных схем изобразительности, соответствующая не мировосприятию в целом, а лишь одному из возможных истолкований мира, связанному с вполне определённым жизненным чувством и жизнепониманием...» [Флоренский П. А., 1990, с. 48]. Это «гуманитарно-натуралистическое жизнепонимание Возрождения», достигшее апогея в... кантианстве марбургской школы, для которой «Действительность существует лишь тогда и постольку, когда и поскольку наука соблаговолит разрешить ей существовать, выдав свое разрешение в виде сочинённой схемы... Утверждается же патент на действительность — только в канцелярии Г. Когена, и без его подписи к печати недействителен» [Флоренский П. А., 1990, с. 59]. Такое происходит, «когда разлагается религиозная устойчивость мировоззрения и священная метафизика», когда «индивидуальному усмотрению отдельного лица» придаётся всеобщий характер [Флоренский П. А., 1990, с. 58]. Монополизм прямой перспективы в стреловидной истории имеет те же, как минимум, не универсальные основания.

В этом ряду книга Э. Ю. Соловьева «Прошлое толкует нас»⁴⁹ уже самым названием даёт повод и рамку. Если выдвинуться из-под прикрытия безусловно красивой и сильной метафоры, окажется, что, толкуя себя через прошлое, человек и общество особенно активно занимаются толкованием (реинтерпретацией) самого этого прошлого. Ещё только намечая контуры Российского проекта цивилизационного развития, практически невозможно не подстраивать историософский, исторический и даже историографический фундамент собственной постройки под ту или иную образную систему и архитектонику. Исключающая подобные абберации рефлексия почти непосильна, но это мало что

можно лишь добавить, что такого рода «подгонка» и «вычерпывание» в историографии прямой перспективы встречаются ничуть не реже.

⁴⁹ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. — М.: Политиздат, 1991. — 432 с.

меняет в установке. Если этим вообще не заниматься, в итоге образуются не только безбожно перевозносимые, но и неприлично *опущенные* (ценностно и фактографически) территории и пласты исторического, каждый из которых вправе заявить: без меня ваш дискурс о цивилизации не полный. Прошлое не дано вне наших же собственных активных его интерпретаций, и логика обратной перспективы тем более не оставляет на этот счёт никаких иллюзий.

В обратной перспективе, реально применяемой в графике, точка схода (соединения линий построения) находится не вовне, не в отдалённом пространстве, но и не обязательно в одном месте где-то между глаз смотрящего. (Таков, в частности, многоцентризм русской иконы. Изменение точек схода меняет и само положение смотрящего: он будто обходит объект как вокруг оси, осей. Либо смотрящих много, либо смотрящий присутствует одновременно в разных точках единой, взаимосвязанной, но полицентричной перспективы.) В этом проявляется кардинально иное отношение к субъектности и объектности [Флоренский П. А., 1990, с. 58]. Решаясь рассматривать историческую ретроспективу как пространство обратных перспектив, то есть под знаком и со всей энергетикой *злости дня*, субъект, по сути, осознанно и открыто делает то же самое, что работающие в прямой перспективе делают бессознательно либо скрытно, лишь симулируя вещание от отправной точки абсолюта — от лица якобы единственно возможной «истории как она есть» (то есть как она видится очередному квартиранту башни из слоновой кости). И даже помещая единую точку схода обратной перспективы «между глаз» смотрящего, как сказали бы кантианцы в «обратном единстве апперцепции», мы всё же включаем механизмы самоанализа в концептуально и политически значимых трактовках истории. В отличие от школьной арифметики, здесь нельзя полностью исключить подгонку под ответ, но, как минимум, такую подгонку желательно минимизировать или делать её хотя бы не так грубо. Слишком явные манипуляции, как правило, контрпродуктивны даже в идеологии, поскольку подставляют схему под удары критики и сарказма, часто сокрушительные.

Взгляд в обратной перспективе не так прост, поскольку противоречит привычной моторике нашего зрительного аппарата. Тем не менее, он оправдан при всей запутанности российских хроник и обветшалости самой идеи «стрелы времени», бинаризма оппозиции «высшего» и «низшего». И он не так комплиментарен, как хотелось бы. Обратный ход вовсе не обязательно даёт картину регресса в прошлое как своего рода зеркала прогресса в настоящее и будущее — проще говоря, к нам. Часто наоборот: сами современники оказываются в положении обезьяны с гаджетами, в прошлом натыкающейся на Человека, возможно, в чём-то ценном даже вымирающего.

1.9.2. Будущее толкует прошлое

Возможности ретроанализа вполне иллюстрируются темами, и без того являющимися ключевыми для российского цивилизационного проекта, а потому

Рубцов А. В.
Цивилизационный проект как предмет исследования:
логика смыслов и оптика анализа

их состав в целом более или менее ожидаем — если, конечно, ориентироваться на расширенное содержание дискурса:

а) российские экстремумы *цивилизаций Модерна и постмодерна* как они видятся в обратной оптике от новейшего постмодернизма и его гипотетических продолжений;

б) цивилизация и идеология; неклассические формы *цивилизации Веры* и *цивилизации Идеи* — светские религии и приходы, «проникающая», диффузная, латентная и неинституциональная (теневая) идеократия; иллюзии «деидеологизации» и мифы новой идейности; задачи «контр-идеологической рефлексии» (Э. Ю. Соловьев);

в) углубление разрывов и противопоставлений в связке *культуры и цивилизации* — существующее положение и анализ противоречий российского опыта;

г) многослойная *идентичность* в новых операциональных, в том числе социологических трактовках ретроанализа: заимствованный из криминалистики композиционный (словесный) портрет; принятые в «кадрах» методики «автобиографии» и «объективки», собственно социология — контент- и дискурс-анализ, аналоги массового и экспертного опроса, глубинных интервью и пр.;

д) центростремительные и центробежные силы *Империи* в прямой и обратной перспективе: собирание и интеграция как они видятся через патанатомию распада;

е) «физическое» жизнеобеспечение цивилизаций в кризисе и в предтерминальной фазе; *эсхатология* сырьевых моделей и ресурсных социумов; импортируемая современность; российский проект «смены вектора развития» как официально признанная цивилизационная программа предыдущего поколения;

ж) философия *всечеловеческого* и *всечеловечности* в обратном отсчёте от реалий российской и мировой идеологии и политики.

Чтобы испытать технику ретроанализа в подобных направлениях, необходимо метафорически ёмкую формулу «прошлое толкует нас» развернуть на 180 градусов. При этом утрачивается многое извиняющая иносказательность, но отношения с материалом становятся проще и строже. Зеркальная схема «мы толкуем прошлое» прочитывается совершенно буквально и даже кажется банальной — но лишь до столкновения с не совсем тривиальным вопросом: какие именно свойства и вызовы переживаемого нами настоящего способны в обратной перспективе менять наши представления о движении и логике процесса — если не сводить его к простой последовательности и механическому сцеплению событий.

Для РПЦР это важно, поскольку именно обратная перспектива способна высвечивать в истории подобие консолидированного *проекта*, пусть даже с нулевой или очень условной телеологией. На худой конец, всегда есть спасительное *als ob* — *как если бы* в таких исторических программах присутствовали пусть не цель и предназначение, то хотя бы намёк на смысл и сценарий, на связку смыслов и пакет сценариев.

Далее примеры такого переосмысления ретроспективы даются в общем, контурном виде и ближе к постановке вопросов, чем к оформлению ответов.

Литература

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. — М.: АСТ, 2006. — 640 с.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 624 с.
3. Борхес Х. Л. Коллекция (Сборник рассказов). — СПб.: Северо-Запад, 1992. — 640 с.
4. Борхес Х. Л. Логическая машина Раймунда Луллия. Электронный ресурс: <http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/766/1/borhes.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).
5. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И. С. Кона. — М.: Прогресс, 1977. — 336 с.
6. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Прогресс, 1986. — 624 с.
7. Велижев М. Б. Цивилизация, или Война миров. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 140 с.
8. Гениева Е. Ю. Хорхе Борхес – великий библиотекарь? // Научные и технические библиотеки. — 2005. № 1. — С. 49–57.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.
10. Искандер Ф. А. Кролики и удавы: повести. — М.: Эксмо, 2021. — 640 с.
11. Казанков А. А. Традиционная музыка Африки (кроме арабской и сомалийской). — М.: Институт стран Африки, 2010. — 108 с.
12. Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. с латин. Ф. А. Петровского. — М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. Электронный ресурс: <https://avidreaders.ru/download/gorod-solnca1.html?f=pdf> (дата обращения: 04.11.2021).
13. Капустин Б. Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. — 2009. № 3. — С. 23–48.
14. Кирдина-Чэндлер С. Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику? Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2017. — 36 с.
15. Кирдина-Чэндлер С. Г., Маевский В. И. Методологические вопросы мезоуровневого анализа в экономике // Журнал институциональных исследований. — 2017. Т. 9. № 3. — С. 7–23.

Рубцов А. В.
Цивилизационный проект как предмет исследования:
логика смыслов и оптика анализа

16. Круги и кольца Луллия. Пособия и игры // Международный образовательный портал МААМ. Электронный ресурс: <https://www.maam.ru/obrazovanie/kolcy-lulliya> (дата обращения: 04.11.2021).
17. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — М.: Мысль, 1982. — 623 с.
18. Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М.: Гнозис, 1994. — С. 417–430.
19. Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. — М.: Наука, 1989. — 216 с.
20. Минаева И. В. Картирование как метод репрезентации в работах Ойвинда Фальстрёма // Артикульт. — 2014. № 16 (4). — С. 104–113.
21. Неретина С. С., Огурцов А. П. Время культуры. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. — 344 с.
22. Неретина С. С., Огурцов А. П. Онтология процесса. — М.: Голос, 2014. — 724 с.
23. Панофский Э. Перспектива как "символическая форма". Готическая архитектура и схоластика. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 336 с.
24. Петровская Е. Теория образа. — М.: РГГУ, 2010. — 284 с.
25. Проханов А. А., Глазьев С. Ю. и др. Цифровая цивилизация. Россия и "электронный" мир XXI века. — М.: Изборский клуб, 2018. — 288 с.
26. Рубцов А. В. Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии. — 2011. № 10. — С. 37–47.
27. Рубцов А. В. Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // Вопросы философии. — 2020. № 8. — С. 20–31.
28. Рубцов А. В. Вместо заключения // Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. — М.: ИФ РАН, 2016. — С. 224–242.
29. Рубцов А. В. Идеи как переживание. От психоистории к психоидеологии русской идеи // Вопросы философии. — 2019. № 12. — С. 20–30.
30. Рубцов А. В. Идеология в структуре социума и личности // Полилог / Polylogos. — 2019. Т. 3. № 4. Электронный ресурс: <https://polylog.jes.su/s258770110008020-4-1/> (дата обращения: 04.11.2021).
31. Рубцов А. В. Модели цивилизационного развития в контекстах универсального дискурса. Состав проекта, тематическая структура, каркас категорий // Проблемы цивилизационного развития. — 2021. Т. 3. №1. — С. 128–172.
32. Рубцов А. В. Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти. — М.: Прогресс-Традиция, 2020. — 815 с.
33. Рубцов А. В. Нефтедобывающая цивилизация. Система понятий и масштабы бедствия // Неприкосновенный запас. — 2019. № 4. — С. 148–164.
34. Рубцов А. В. После деидеологизации: вопросы идеологии в Институте философии // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 8–18.
35. Рубцов А. В. Постмодерн как целое: архитектуроника и языки // Vox. Философский журнал. — 2020. № 29. — С. 18–37.

36. Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. — М.: Библиотека Института современного развития (ИНСОР), 2009. — 260 с.
37. Рубцов А. В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: реальные и ложные цели // Политическая концептология. — 2018. № 4. — С. 6–21.
38. Рубцов А. В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: условия задачи // Политическая концептология. — 2018. № 3. — С. 17–32.
39. Рубцов А. В., Богословский С. В. Мегапроект для России: идеология, политика, экономика. — М.: Издательство «Известия» УД Президента РФ, Спецпроизводство, 2007. — 117 с.
40. Рубцов А. В., Богословский С. В. Мегапроект. О формате и контурах стратегии национального развития. — М.: Социум, 2008. — 47 с.
41. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. Электронный ресурс: <http://www.etextlib.ru/Book/DownloadPDFFile/9211> (дата обращения: 04.11.2021).
42. Скотт Дж. Благими намерениями государства. — М.: Университетская книга, 2011. — 576 с.
43. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. — М.: ООО «Садра», Издательский дом ЯСК, 2019. — 216 с.
44. Соловьев Вл. Оправдание добра. — М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — 656 с.
45. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. — М.: Политиздат, 1991. — 432 с.
46. Соловьев Э. Ю. Философия как критика идеологий // Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — С. 21–72.
47. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. — 1989. № 10. — С. 3–18.
48. Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. — 2006. № 2. — С. 16–26.
49. Флоренский П. А. Обратная перспектива // П. А. Флоренский. У водоразделов мысли. Т. 2. — М.: Правда, 1990. — С. 43–106.
50. Хьюгилл Э. Борхес и никчемная машина // Хьюгилл Э. «Патафизика: Беспольный путеводитель». Электронный ресурс: <https://gorky.media/fragments/borhes-i-nikchemnaya-mashina/> (дата обращения: 04.11.2021).
51. Что такое круги Луллия и как с ними играть // Приоритет. Электронный ресурс: <https://prioritet1.com/blog/chto-takoe-krugi-lulliia-i-kak-s-nimi-igrat> (дата обращения: 04.11.2021).
52. Шубарт В. Европа и душа Востока. — М.: Русская идея, 2000. — 443 с.
53. Экспертный доклад «Какое прошлое нужно будущему России». — М.: Вольное историческое общество. (При поддержке Комитета гражданских инициатив.)
54. Ясперс К. Введение в философию / Пер. с нем., под ред. А. А. Михайлова. — М.: Прописи, 2000. — 192 с.
55. Bauman Z. Legislators and Interpreters: On modernity, post-modernity and intellectuals. Cambridge: Polity Press, 1987. 209 p.
56. Harmon K. The Map as Art. New York. Princeton: Princeton Architectural Press, 2009. 256 p.
57. Levin K. Farewell to Modernism. The Art Magazine, 1979, no. 52, 90 p.

58. Rose S. *Lifelines: Biology, Freedom, Determinism*. London: Penguin Books, 1997. 335 p.

59. Rose S. *Précis of Lifelines: Biology, freedom, determinism // Behavioral and brain sciences*, 1999, no. 22, pp. 871–921. URL: [https://www.researchgate.net/publication/12031918_Precis_of_Lifelines_Biology_free_dom_determinism], accessed on 04.11.2021].

References

1. Bauman Z. *Legislators and Interpreters: On modernity, post-modernity and intellectuals*. Cambridge: Polity Press, 1987. 209 p.

2. Berdyaev N. *Filosofiya neravenstva* [The Philosophy of Inequality], comp., ed. by O. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. 624 p. (In Russian.)

3. Berdyaev N. *O naznachenii cheloveka* [The Destiny of Man]. Moscow: AST Publ., 2006. 640 p. (In Russian.)

4. Borges J. *Kollektsiya (Sbornik rasskazov)* [Collection (Collection of short stories)]. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 1992. 640 p. (In Russian.)

5. Borges J. *Logicheskaya mashina Raimunda Lulliya* [Raymund Lullia's Logic Machine]. URL: [<http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/766/1/borhes.pdf>], accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

6. Braudel F. “Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'” [History and social sciences. Historical duration], in: *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history], ed. by I. S. Kon. Moscow: Progress, 1977. 336 p. (In Russian.)

7. Braudel F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [The Structures of Everyday Life]. Moscow: Progress, 1986. 624 p. (In Russian.)

8. Campanella T. *Gorod Solntsa* [The City of the Sun], trans. from Latin by F. A. Petrovskogo. Moscow — Leningrad: Izdatelstvo akademii nauk SSSR, 1947. URL: [<https://avidreaders.ru/download/gorod-solnca1.html?f=pdf>], accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

9. *Chto takoe krugi Lulliya i kak s nimi igrat'* [What are Lullia circles and how to play with them]. *Prioritet*. URL: [<https://prioritet1.com/blog/chto-takoe-krugi-lulliya-i-kak-s-nimi-igrat>], accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

10. Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], trans. by Y. Svirsky. Ekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel', 2010. 895 p. (In Russian.)

11. *Ehkspertnyi doklad «Kakoe proshloe nuzhno budushchemu RossiI»* [Expert report "What kind of past does the future of Russia need"]. Moscow: Vol'noe

istoricheskoe obshchestvo. (With the support of the Committee of Civil Initiatives.) URL: [<https://komitetgi.ru/analytics/3076/#2>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

12. Florensky P. “Obratnaya perspektiva” [Reverse Perspective], in: Florenskii P. *Vol. 2. U vodorazdelov mysli* [At the Watersheds of Thought]. Moscow: Pravda Publ., 1990, pp. 43–106. (In Russian.)

13. Genieva E. *Khorkhe Borkhes — velikii bibliotekar'* [A Great Librarian — Jorge Luis Borges?]. Scientific and Technical Libraries, 2005, no. 1, pp. 49–57. (In Russian.)

14. Harmon K. *The Map as Art*. New York. Princeton: Princeton Architectural Press, 2009. 256 p.

15. Hugill A. “Borkhes i nikchemnaya mashina” [Borges and the Worthless Machine], in: Hugill A. *Patafizika: Bespoleznyi putevoditel'* [Pataphysics: A useless guide]. URL: [<https://gorky.media/fragments/borkhes-i-nikchemnaya-mashina/>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

16. Iskander F. *Kroliki i udavy: povesti* [Rabbits and Boa Constrictors: novels]. Moscow: Eksmo, 2021. 640 p. (In Russian.)

17. Jaspers K. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy], trans. from English by T. Shchittsova. URL: [https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/index.php, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

18. Kapustin B. *Politicheskie smysli «tsivilizatsii»* [Political Meanings of “Civilization”]. Political Conceptology, 2009, no. 3, pp. 23–48. (In Russian.)

19. Kazankov A. *Traditsionnaya muzyka Afriki (krome arabskoi i somaliiskoi)* [Traditional Music of Africa (except Arabic and Somali)]. Moscow: Institut stran Afriki Publ., 2010. 108 p.

20. Kirdina-Chandler S. *Mezouroven': novyi vzglyad na ehkonomiku? Nauchnyi doklad* [The Meso Level: A New Look in Economics? Working paper]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017. 36 p. (In Russian.)

21. Kirdina-Chandler S., Maevsky V. *Metodologicheskie voprosy mezourovnevnogo analiza v ehkonomike* [Methodological Issues of the Meso-level Analysis in Economics]. Journal of Institutional Studies, vol. 9, no. 3, pp. 7–23. (In Russian.)

22. *Krugi i kol'tsa Lulliya. Posobiya i igry* [Circles and rings of Lullius. Manuals and games]. International Educational Portal of MAAM. URL: [<https://www.maam.ru/obrazovanie/kolcy-lulliya>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

23. Levin K. Farewell to Modernism. *The Art Magazine*, 1979, no. 52, 90 p.

24. Losev A. *Ehstetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl', 1982. 623 p. (In Russian.)

25. Lotman J. "Smert' kak problema syuzheta" [Death as a Problem of Plot], in: *YU. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [J. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnosis, 1994, pp. 417–430. (In Russian.)
26. Meien S. *Vvedenie v teoriyu stratigrafii* [Introduction to the Theory of Stratigraphy]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 216 p. (In Russian.)
27. Minaeva I. *Kartirovanie kak metod reprezentatsii v rabotakh Oivinda Fal'strema* [Mapping as Method of Representation in the Art of Öyvind Fahlström]. *Artikult*, 2014, vol. 16 (4), pp. 104–113. (In Russian.)
28. Neretina S., Ogurtsov A. *Ontologiya protsessa* [Process Ontology]. Moscow: Golos Publ., 2014. 724 p. (In Russian.)
29. Neretina S., Ogurtsov A. *Vremya kul'tury* [Culture Time]. Saint Petersburg: RKHGI Publ., 2000. 344 p. (In Russian.)
30. Panofsky E. *Perspektiva kak "simvolicheskaya forma". Goticheskaya arkhitektura i skholastika*. [Perspective as a "Symbolic Form". Gothic architecture and scholasticism]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2004. 336 p. (In Russian.)
31. Petrovsky H. *Teoriya obraza* [Theory of the Image]. Moscow: RGGU Publ., 2010. 284 p. (In Russian.)
32. Prokhanov A., Glaz'ev S. et al. *Tsifrovaya tsivilizatsiya. Rossiya i "ehlektronnyi" mir XXI veka* [Digital Civilization. Russia and the "electronic" world of the XXI century]. Moscow: Izborskii club Publ., 2018. 288 p. (In Russian.)
33. Rose S. *Lifelines: Biology, Freedom, Determinism*. London: Penguin Books, 1997. 335 p.
34. Rose S. *Précis of Lifelines: Biology, freedom, determinism. Behavioral and brain sciences*, 1999, no. 22, pp. 871–921. URL: https://www.researchgate.net/publication/12031918_Precis_of_Lifelines_Biology_freedom_determinism, accessed on 04.11.2021].
35. Rubtsov A. "Posle deideologizatsii:voprosy ideologii v Institute filosofii" [After De-Ideologization: Issues of ideology at the Institute of philosophy], in: *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and Ideology: from Marx to postmodernity], ed. by A. A. Guseinov, A. V. Rubtsov, comp. by A. V. Rubtsov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018, pp. 8–18. (In Russian.)
36. Rubtsov A. "Vmesto zaklyucheniya" [Instead of a conclusion], in: *Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh protsessov v politicheskoi i sotsiokul'turnoi real'nosti* [Practical Ideology. To the analysis of ideological processes in political and socio-cultural reality]. Moscow: Institute of Philosophy RAS Publ., 2016, pp. 224–242. (In Russian.)
37. Rubtsov A. *Arhitektonika postmoderna: vremya* [Architectonics of Postmodernity: Time]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 10, pp. 37–47. (In Russian.)

38. Rubtsov A. *Idei kak perezhivanie. Ot psikhistorii k psikhoideologii russkoi idei* [Ideas as Internal Experience. From psychohistory to psychoideology of the Russian idea]. *Voprosy filosofii*, 2019, no. 12, pp. 20–30. (In Russian.)

39. Rubtsov A. *Ideologiya v strukture sotsiuma i lichnosti* [Ideology in the Structure of Society and Personality]. *Polylogos*, 2019, vol. 3, no. 4. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110008020-4-1/>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

40. Rubtsov A. *Modeli tsivilizatsionnogo razvitiya v kontekstakh universal'nogo diskursa. Sostav proekta, tematicheskaya struktura, karkas kategorii* [Models of Civilizational Development in the Contexts of Universal Discourse]. *Civilization studies review*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 128–172. (In Russian.)

41. Rubtsov A. *Nartsiss v brone. Psikhoideologiya grandioznogo ya v politike i vlasti* [Narcissus in Armor. Psycho-ideology of the “grandiose self” in politics and power]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2020. 815 p. (In Russian.)

42. Rubtsov A. *Neftedobryayushchaya civilizatsiya. Sistema ponyatij i masshtabybedstviya* [Oil-producing Civilization. System of concepts and scale of the disaster]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 4, pp. 148–164. (In Russian.)

43. Rubtsov A. *Postmodern kak tseloe: arkhitektonika i yazyki* [Postmodern as a Whole: architectonics and languages]. *Vox. Philosophical journal*, 2020, no. 29, pp. 18–37. (In Russian.)

44. Rubtsov A. *Rossiyskaya identichnost' i vyzov modernizatsii* [Russia's Identity and the Challenge of Modernization]. Moscow: Biblioteka Instituta sovremennogo razvitiya (INSOR), 2009. 260 p. URL: [URL:https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html](https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html), accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)

45. Rubtsov A. *Tsivilizatsionnyi vybor v postsovetskom kontekste: real'nye i lozhnye tseli* [Civilizational Choice in the Post-Soviet Context: Real and False Goals]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 2018, no 4, pp. 6–21. (In Russian.)

46. Rubtsov A. *Tsivilizatsionnyi vybor v postsovetskom kontekste: usloviya zadachi* [Civilizational Choice in the Post-Soviet Context: Conditions of the task]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 2018, no. 3, pp. 17–32. (In Russian.)

47. Rubtsov A. *Virusy i tsivilizatsii. O novom vliyanii biokataklizmov na ehvolyutsiyu sotsiokul'turnykh modelei i tsivilizatsionnykh projektov* [Viruses and Civilizations. The New Impact of Biocataclysms on the Evolution of Sociocultural Models and Civilization Projects]. *Voprosy Filosofii*, 2020, no 8, pp. 20–31. (In Russian.)

48. Rubtsov A., Bogoslovskii S. *Megaproekt dlya Rossii: ideologiya, politika, ehkonomika* [Megaproject for Russia: ideology, politics, economy]. Moscow: Izvestiya Publ. UD, 2007. 117 p. (In Russian.)

49. Rubtsov A., Bogoslovskii S. *Megaproekt. O formate i konturakh strategii natsional'nogo razvitiya* [Megaproject. On the format and contours of the national development strategy]. Moscow: Sotsium Publ., 2008. 47 p. (In Russian.)

50. Sartre J.-P. *Ehkzistentsializm — ehto gumanizm* [Existentialism Is a Humanism]. URL: [<http://www.etextlib.ru/Book/DownloadPDFFile/9211>], accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)
51. Scott J. *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Seeing Like a State]. Moscow: Universitetskaya kniga, 2011. 576 p.
52. Shubart V. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the Soul of the East]. Moscow: Russkaya ideya Publ., 2000. 443 p. (In Russian.)
53. Smirnov A. *Vsechelovecheskoye vs. obshechelovecheskoye* [All-human vs. Universal]. Moscow: Sadra, LSC Publishing house, 2019. 216 p. (In Russian.)
54. Soloviev E. “Filosofiya kak kritika ideologii” [Philosophy as Critique of Ideologies], in: *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and Ideology: from Marx to postmodernity], ed. by A. A. Guseinov, A. V. Rubtsov, comp. by A.V. Rubtsov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2018, pp. 21–72. (In Russian.)
55. Soloviev E. *Proshloe tolkuet nas* [The Past Interprets Us]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 432 p. (In Russian.)
56. Solovyev VI. *Opravdanie dobra* [The Justification of Good]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm Publ., 2012. 656 p. (In Russian.)
57. Stepin V. *Filosofiya i ehpokha tsivilizatsionnykh peremen* [Philosophy and the Era of Civilizational Changes]. *Voprosy filosofii*, 2006, no. 2, pp. 16–26. (In Russian.)
58. Stepin V. *Nauchnoe poznanie i tsennosti tekhnogennoi tsivilizatsii* [Scientific Knowledge and Values of Technogenic Civilization]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 10, pp. 3–18. (In Russian.)
59. Velizhev M. *Tsivilizatsiya, ili Voina mirov* [Civilization, or the War of the Worlds]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 140 p. (In Russian.)

Civilizational Project as Subject of Research: Logic of Meanings and Optics of Analysis

Rubtsov A. V.,

Head, Department of Philosophical Studies of Ideological Processes,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

roubcov@inbox.ru

Abstract: The super-powerful polysemy of discourse about civilization is seen not as a defect in language and speech, but as an objective, irreducible characterization of the subject itself and the discourse about it. This excludes the possibility of universal or consolidated definitions. The solution is offered in a special kind of semantic empathy — in the acceptance of the discourse about civilization in the presumption of its fullness, in the meaningful intuitions of understanding. The principle of "civilizational multiplicity" or "civilization of civilizations" leads to the ideas of the multiplicity of civilizational projects, including the need to understand the Russian project of civilizational development as a "project of projects", that is, not only a mega-, but also a meta-project. Modern times are seen as "times of projects" with corresponding outlets in the problems of postmodernity, postmodern, and postmodernism. The temporal contradictions of the project, the paradoxes of dynamics and statics are considered. Is a project a future in the present and/or a present in the future? The ontological duality of the project is similar: process and thing, life and product, plan and embodiment. The discourse on civilization is considered as a systemic object. Reconstruction of the common problem-thematic space is carried out by the method of contour mapping. The isomorphism of historical time and space of analysis is substantiated: a picture as an image and as a motion picture, as a sequence of frames. A reverse perspective technique is introduced — reverse research and retro analysis, in which the genesis is supplemented by "autopsy" techniques.

Keywords: discourse on civilization, presumption of completeness, super-powerful polysemy, temporal and ontological duality of the project, isomorphism of the image and structure of the process (pictures and films), logic of reverse perspective, reverse research and retro analysis, methods of autopsy.